

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ.

Часть IV.

Книжка третія.

ДЕКАБРЬ 1791.

МОСКВА,
Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

55926
1 РС

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть четвертая. Книжка третія.
Мѣсяцъ Декабрь.

I.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА.

Вселенну Слава пролетая,
Велишъ рѣшилъ вопросъ вѣкамъ:
„Коль именемъ ОНА впорал,
Кто жъ первый по дѣламъ? „
(Изъ Петербурга отъ неизвѣстной
Особы.)

II.

ПИСЬМО КЪ * * *

Какое зрелище для нѣжныхъ души!
О Грюзъ! дай кисть свою, иль самъ пѣ
напиши —
Предспавь Климену мнѣ въ часъ утра
безмѧтежной
Любующуюся плодомъ любви нѣжной,
С Ке-

рд 3402

Которой ангельской вкушаешь въ люль-
кѣ сонъ.
на едва дышитъ, чтобъ не про-
снулся онъ;
Не смѣешъ продолжать съ супругомъ
разговоровъ,
Но только пламенемъ своихъ небесныхъ
взоровъ,
Улыбкой алыхъ устъ супругу говоришъ,
Что въ милой крошечкѣ черты отце-
вы зришъ.
И такъ, Климена, ты теперь уже
спокойна —
Ты щасплива, ты мапъ, и оной бысть
достойна.
Прелеспна умница ! ты болѣ день отъ
дня
Плѣняешь чувствами души своей меня !
Доселѣ я твой умъ и сердце чтилъ
прекрасно.
Въ щаспливой, воскликалъ, въ щаспли-
вой топъ судьбъ,
Котораго ты любишь спрасшно !
А нынѣ новый даръ еще открылъ въ тебѣ :
Я вижу всю свою чувствительность,
заботы ,
Чтобъ

Чтобъ толь почченное название оправ-
дать

И долгъ природъ свой воздашь
За многія къ тебѣ ся щедроты.

Уже любимыхъ ты пѣвцовъ,
Колларда съ Геснеромъ, на время за-
бываешь,

И въ скромную свою дивану мудрецовъ,
Бюфона и Руссо и Локка призываешь,
Опмѣнна бывъ отъ тѣхъ обыкновен-
ныхъ душъ,
Которыя себя невѣжествомъ безсла-
вятъ,

И долгъ родительницъ лишь въ томъ
единомъ спасяще,
Чтобъ былъ ребенокъ сыпъ и дюжъ,
Какъ куколка одѣшъ, и могъ бы по-
Французски —

Питомецъ *Вральмановъ*, *мамзели де*
Воръенъ —

Кой - какъ лишь бѣгло вратъ, не вѣдая
по - Руски,
И чтобы наконецъ былъ самый модный
пень.

Опмѣнна бывъ отъ нихъ — о честь
прекрасну полу! —

Климена! ты сама теперь вступила въ
школу,
И даже въ оный часъ, какъ Терпсихора
всѣхъ
Зоветъ чрезъ *Фаулл* (*) въ свой храмъ
забавъ, упѣхъ;
Какъ пудреная мгла покрыла шуалепы;
Какъ все въ движеніи: флеръ, шляпки и
корнепы —
Картоны, ящики, комоды, сундуки —
Сколь мысли у тебя отъ шума далеки!
Сидишь облокотясь со книгой ты сми-
ренно,
Имѣя все свое вниманіе вперено
Въ премудры правила Британскаго
шворца,
Который шолько сухъ для одного
глупца,
И научаешься, какъ изъ любезна сына
Содѣлать нѣкогда прямаго гражданина.
О подвигъ сладостный, священный
искони!
Климена! увѣнчай ты имѣ прекрасны дни.
Кто

(*) Бывшій содержашель Англійскихъ баловъ
въ С. П. Б.

Кто болѣе тебѧ во способахъ обиленъ?
Не родшія ль одной доспоинъ сей пред-
мѣпъ?

Гласъ матери всегда краснорѣчивъ и
силенъ.

Взращай ты юный цвѣтъ,

Взращай своеї рукою

И удобряй своѧ ученія росою.

Пекись, да излѣпъ онъ райскій аро-
матъ,

Когда желанный день созрѣнія настап-
нетъ;

Да усладимъ твоє и сердце онъ и
взглядъ,

И въ осень дней твоихъ весну твою
вспомянемъ!

А ты, дитя, залогъ дражайшій
двухъ сердецъ!

Живи и усугубь ихъ щастіе наконецъ!

Будь чесченъ, будь уменъ, чувстви-
теленъ, незлобенъ,

Пріятелъ, милъ — во всемъ будь ма-
менъкъ подобенъ!

И.

III.

АЛЬФИДА.

Сочинение Ил. К. ()*

Альфика процвѣтала подобно распускающейся розѣ, и была украшениемъ долинъ Темпейскихъ. Уже она доспигла первыхъ лѣтъ цвѣтущей юности, когда разумъ еще незрѣлостью масличнымъ древесамъ уподобляется, а сердце уже начинаетъ чувствовать движеніе спрастей, многія злоключенія приносящихъ, и на цѣлую жизнь мраки горесты иногда проспирающихъ; но сердце Альфидино было непорочно.

Лишenna въ пеленахъ своихъ попечительной своей матери, взрастала она въ очахъ мудраго отца своего Гіанпа, и приманчивости пагубной любви пренебрегать отъ него научилась. Всѣми юными пастухами

лю-

(*) Хотя почтенней Сочинитель и не скавыасшъ намъ своего имени, однако жъ Чишашели легко могутъ узнать его по слогу піесы, — К.

любима , сама ни кѣмъ не была прельщенна. Лучшая ея была забава пасхи спада родителя своего , лучшая упѣха вечерняя пляска съ Темпейскими Нимфами. Душу имѣя спраспѣй чужду , всѣхъ своихъ подружекъ въ хороводахъ она была веселѣе. Не имѣя въ виду ни малыхъ цѣли упреждать другихъ , всѣхъ въ бѣгании по долинѣ она упреждала , внимая равнодушно плесканію пастуховъ и пастушекъ. Голосъ ея , подобный голосу филомелы , услаждалъ слухи Темпейскихъ жителей ; но Альфида казалась непримѣчающею воспорги слушателей. Гибкіе ея персты прогали спруны сладкогласныя лиры , и казалось , что Альфида только ради себя , а не ради другихъ на лирѣ играла.

Часто , взявъ гибкій лукъ Гіан-шовъ и колчанъ , наполненный стрѣлами , бѣгала она по лѣсамъ для испребленія птицъ хищныхъ , нападающихъ на воспитанныхъ въ ея хижинѣ птенцовъ голубиныхъ. Тогда тихіе зе-Фиры , развѣвая по воздуху бѣлые вла-

сы ея, угощали изъ нихъ сѣпи юношамъ; слѣды ногъ ея они цѣловали, на коихъ, казалось, чувства любви напечатлѣвали. Но щѣстно любовники ея въ прохладныя рощи за нею слѣдовали; щѣстно воздухъ спешнѣями наполняли; щѣстно спра-
спныя пѣсни, изображающія весь пла-
мень ихъ сердецъ, воспѣвали! Альфи-
да ни чему не внимала, и подобно
легкой сернѣ отъ послѣдователей сво-
ихъ укрывалась.

Многіе пастухи, исплѣвая огнемъ бесплодныя спраспи, заклинались ни-
гдѣ не вспрѣчаться съ нечувстви-
тельной Альфидою; но вскорѣ по
томъ ее повсюду искали. Многіе,
благоразсуднѣе первыхъ, отчаясь во
взаимной склонности дочери Гіантоп-
вой, оставили Темпейскую долину, и
перешли въ мѣста отдаленного Орма,
гдѣ забвенiemъ упушили спраспную
любовь надѣялись; но у всѣхъ при-
шельцовъ изъ ихъ отечества о пре-
красной Альфидѣ спрашивали, и съ ними
о ней въ восторгахъ бесѣдовали.

Между многими юношами Зоандръ прельсился красопами Альфиды. Онъ увидѣлъ ее въ хороводѣ съ другими пастушками пляшущу, и потерялъ свободу; но она ни Зоандра, ни любви его не примѣчала. Младый пастухъ не смѣлъ открыть своихъ чувствъ Альфидѣ, опасаясь равныхъ участии со всеми другими пастухами: знакъ пылкія сердечной страсти, когда любовникъ предъ его любезною робокъ и спыдливъ бываешь!

Пишай внутрь своего сердца любовь отчаянную, Зоандръ утратилъ прежнюю веселость, цвѣпущимъ лѣтамъ свойственную. Онъ сталъ задумчивъ и блѣденъ; ходитъ по прекраснымъ рощамъ спеня и вздыхая; мрачная печаль на его лицѣ живыми чертами изобразилась; ни съ кѣмъ не говоритъ Зоандръ, только самъ съ собою, и говоритъ о любезной Альфидѣ. Фелана, мать его, со всею ослѣпленною горячностю сына своего любящая, Фелана скоро примѣтила внутреннее страданіе своего сына

Она была жрица Кипридина, который храмъ воздвигнутъ былъ въ Темпейскихъ долинахъ. Сія жрица, соспарѣвшая въ хищростяхъ любовныхъ, и безчисленное множество любовниковъ предъ жервшенникомъ своей богини видавшая — лица и свойства ихъ наблюдающа, ихъ повѣстованіями память имѧ обремененну — Фелана не могла не проникнуть тайныхъ сокровенностей сердца своего сына — проникла, но не могла узнатъ виновницы его крушениѧ и горести. Жрица была щеславна и самолюбива — не вѣдала еще той красоты, которою Зоандръ прельстился, возненавидѣла въ ней виновницу печали своего сына. Самолюбивыя души всегда мстительны бываюпъ — тогда всѣ устремила силы ко испытанію сердца прельщенаго неизвѣстною паспушкой своего сына. Она его обѣмлѣпъ, прижимаетъ ко прещущей своей груди, и дрожащимъ голосомъ вопїетъ къ нему: „Скажи, Зоандръ! скажи мнѣ вину твоей задумчивости, твоей внупреней скорби;

би; открой мнѣ твое сердце. Ежели какая любовь его терзаетъ, признайся мнѣ — желаніе твое вскорѣ удовлетворится. Кто бы ни была твоя любовница, не будешь смыть она отречься отъ брака съ тобою, съ тобою, сыномъ знаменитыя жрицы богини Киприды.,,

Зоандръ, вѣдая пламенный нравъ своей матери и нечувствительность ко прекраснѣйшимъ пастухамъ Альфидину, утаилъ передъ своею матерью пламенную любовь свою. Онъ прикрылъ сердечную страсть вымышленными болѣзнями, и жрицу увѣрилъ, что немощь его временна; что вскорѣ она миноваться можетъ, и что веселость его нрава внедолгъ возвращится, когда онъ въ покой отъ всѣхъ людей оставленъ будетъ.

Коварная жрица, проникая во глубину сыновняго сердца, далѣе нежели до того Зоандръ допустить ее хотѣлъ — жрица притворилась вѣрящею словамъ его; она казялась успокоеною, и осудила Зоандра въ его

его хижинѣ безумѣшнѣмъ — но хи-
щность не рѣдко тогда паче дѣйству-
етъ, когда личиной скромности при-
крывается.

Когда дневное свѣтило погрузи-
лось въ нѣдра океана — звѣзды подъ
лазурнымъ небеснымъ сводомъ возсія-
ли, и луна трепещущее сіяніе по лѣ-
самъ и долинамъ простирала — не-
спокойная жрица оставляетъ одръ свой,
идетъ по влажной муравѣ, и прибли-
жается тихо къ Зоандровой хижинѣ.
Слабый сонъ на время сомкнулъ его
очи, слезами полныя. Фелана сего и
желала — по многимъ опытамъ знала
она, что первые сны представляютъ
любовникамъ ихъ возлюбленныхъ, и
что, что они въ легкомъ сновидѣнїи
упоминаютъ имена ихъ. Зоандръ, не-
щастный Зоандръ, въ самомъ дѣлѣ ме-
чталъ свою несклонную пастушку,
сурою на него взирающую, и вскри-
чалъ въ воспогрѣ: „Альфида! Альфи-
да! не мучь меня отчаяннаго!“

Довольно сего было для спарой
жрицы увѣришься, кѣмъ прельщенъ
былъ

сынъ ея. Она удалилась отъ его жилища съ лютымъ намѣреніемъ не сочестить его съ Альфидою, поспавля низкимъ такои бракъ для Зоандра — но заключила въ мысляхъ удовлетворить спраси его самыи богопротивнымъ средствомъ, испя паче за то Альфидъ, что сынъ ея не хощъ машери своей въ любви своей признаться — будто бы она была въ томъ виновною!

При возсіянїи дня входитъ она во храмъ богининъ; по томъ, по учиненїи обыкновенныхъ обрядовъ, явленіе въ жижинъ у Зоандра, сидящаго въ глубокой задумчивости. Онъ только взглянуль на нее, и опушилъ опять въ землю шусклые глаза свои. — „Что ты такъ сокрушаешься? говорила она: сынъ мой! не заражай твоей юности щещными горестями, которыя какъ червь могутъ испочить твое сердце, могутъ лишить тебя цвѣта дней твоихъ. Я знаю, что ты любишь „ — При сихъ словахъ Зоандръ взглянуль помно на мать свою.

„Такъ,

„Такъ, ты любишь! (продолжала Фелана) и знаю, кого: ты любишь жестокую Альфиду. Богиня Киприда открыла мнѣ сю тайну; но упѣшься — гордая паспушка смягчится и будешь любить тебя болѣе, нежѣли ты ее любишь.,, Зоандръ воспаетъ, бросающія предъ Феланою на колѣни, цѣлуетъ ея руки, и воняетъ; „Альфида меня любишь будешь! Альфида! — Ахъ! впорично жизнъ мнѣ ты даруешь!,,

Имѣй ко мнѣ вниманіе, Зоандръ! сказала жрица. Вѣдаю, что твоя Альфида горда и нечувствительна — вѣдаю, что никого изъ смертныхъ она полюбить не можетъ — и богиня Киприда раздражена презрѣніемъ ея нѣжностей любовныхъ. Но гдѣ любовь не усиѣваешь, тамо хипроспи нужны — и богиня ко хипроспамъ приѣхала намъ дозволеніе. Она сжалась на мои слезы, о скорби твоей предъ ея олтаремъ излѣянныя; она мнѣ сказала: Сдѣтай сына твоего щастливъ и резѣ пагубу гордой Альфиды!

Мнѣ

Миѣ желать пагубы Альфида! (вскричалъ отчаянныи Зоандръ) Нѣшь ! видно , что я милосердье ботовъ — небеса ей власпъ бы отдалъ , а не погубишь ее желаю . — „Пагуба , которую я разумѣю , отвѣчала Фелана , не есть ни смерть , ни болѣзнь для твоей Альфиды . „Что же есть она такое ? спросилъ Зоандръ вспыльчиво . „Она есть , сказала жрица , возмездіе сурвоспи Альфидиной , могущее принудишь ее такъже пламенно возлюбишь тебя , какъ ты нынѣ се любишь , и нѣкое средство извлечь ее изъ хладнокровнаго положенія , коимъ она нынѣ предъ богами тщеславится . Ты не рѣдко слыхалъ отъ менѧ , какъ всесильный Юпитеръ въ злапый дождь преображался для смягченія Данаи , въ лебедя для прельщенія Леды , въ вола для похищенія Европы — тысячи превращеній чинили боги , спарайсь привлечь къ себѣ сердца Нимфъ несклонныхъ . Но , вѣдаешь ли , Зоандръ , что всѣ сїи приключенія происходили отъ человѣковъ , виды

бо-

боговъ на себя прѣемлющихъ, и пако спраспамъ своимъ удовлетворяющихъ? Альфида не можетъ полюбить смертнаго; она клялась въ помъщцу своему. Ты прекрасенъ, видъ имѣшъ величественный: по волѣ богини Киприды я преобразу тебя въ Эрота, ея сына. Альфида увидивъ тебя, и прельстившися смертнымъ подъ лицемъ безсмертнаго. Будь только отваженъ и неробокъ: ибо сіе еспь свойство бога любви.

Зоандру сей коварный вымыслъ для упраздненія его спраспикался позволеннымъ; онъ, къ его злополучью, на сію хитрость согласился. Мгновенно преображается онъ въ юнаго любви бога; мать его прикрѣпляетъ къ его плечамъ златыя крылья съ колчаномъ стрѣлъ пернатыхъ, расправляетъ его волосы волнистыми кудрями, вручаетъ ему лукъ гибкій, и сама восхищается подобіемъ сына своего прекрасному Эроту. „Иди, вопіешъ ему, иди въ миртовую рощу, гдѣ Альфида въ полуденные часы бы-

ваетъ , стрѣляя птицъ хищныхъ — предстань передъ нею съ лицемъ умиленнымъ , и скажи ей то , что любовь въ мысли твои вложишъ ; любовь всякаго искусства краснорѣчи-
вѣ. Альфида тебя не презритъ , и ты во твоей любви несомнѣнно щастливъ будешьъ. Я предупре-
жу удивленіе сурою пастушки — и гордую сю красавицу во свои сѣпи
мы уловимъ.

Полдень наступилъ. Альфида , взявъ Гантовъ лукъ и стрѣлы , удалилась изъ ся хижины въ мирцовую рощу для испребленія птицъ хищныхъ. Уже пронзила она сердце кровожаждущаго врана , за горлицею гонящагося ; бѣгая обыкновенными спезями отъ пропинки до пропинки , приблизилась къ древнему дубу , подъ коимъ въ знойные часы отъ усталости иногда отдыхала ; приблизилась , и видитъ на корѣ его необыкно-
венную надпись — хочетъ останови-
вшись , но любопытство влечетъ ее къ изображеніемъ буквамъ , и наконецъ читаетъ :

Альфилииъ нравъ сурозъ;
Но твердостью такою
Плѣни а ты богою,
И сынъ Любви твоей прельстился
красотою.

Сія была первая жипроспъ, ко-
торою лукавая Фелана соблазнила
Альфиду надѣялась. Альфида во изум-
лениіи не знаешьъ, что заключашь о
сей странной надписи; прочитываешьъ,
и вновъ читашь ее начинаешьъ. Вдругъ
слышишьъ нѣжный и пріятный голосъ,
зовущий ее именемъ. Альфида съ пре-
петомъ обращаешьъ глаза свои, и ви-
дишъ передъ собою прекраснаго бога
любви, какимъ онъ во храмъ Киприды
изображенъ: такія же у него по-
злащенные крылья, тотъ же лукъ и
стрѣлы. „Увы! говорилъ Зоандръ
(ибо то онъ былъ) увы, прекрасная
Альфида! ты чаяла уязвлять въ сей
роцъ птицъ хищныхъ, но уязвила
своими прелестями бога любви. Такъ,
я горю тобою, и только взаимная
твоя склонность мою жизнь уладить
можетъ. Сжался надо мною — небеса

швоимъ будущъ жилищемъ, а сердце
мое швоимъ престоломъ.,,

Не тако робкая серна убегаетъ
отъ кровожаждущаго птицы, какъ
Альфиды пошекла отъ мнимаго Кипри-
дина сына. Страхомъ гонима бѣжитъ,
но прелестныя очи обращаетъ на
юнаго бога, котораго пригожество пер-
вое вниманіе паспушкино привлекало.
Вошла она пропещуща въ хижину от-
ца своего; смятеніе ея души на лицѣ
у ней изображалось. Мудрый Гіантъ
спрашиваетъ у нее причину ея без-
покойства, и добродѣтельная Альфida,
будучи съ родителемъ всегда чисто-
сердечна, повѣдаетъ ему свое при-
ключеніе — какъ она вступила въ ро-
щу, какъ приблизилась ко древнему
дубу, какъ увидѣла на немъ написан-
ныя буквы — и, наконецъ, какъ явил-
ся ей богъ любви, и что говорилъ съ
нею, Гіантъ, выслушавъ повѣствованіе
дочери своей, нѣсколько задумался, и
потомъ сказалъ ей: „Были примѣры,
дочь моя, что боги прельщались кра-
сопами женъ смертныхъ; великий

Юпитеръ исходилъ для прекрасной Семелей; обладашель шарпара похитилъ Прозерпину; Вакхъ, сынъ Семелеинъ, прельстился Аріадною, и самъ богъ любви заразился красопами Псиши. Но выслушай повѣсть, кошорую слыхалъ я въ моей юности отъ нашихъ предковъ. Въ одной части Азии жила прекрасная Нимфа Цефиза. Она, такъ же какъ ты, ни къ одному изъ пастуховъ склонности не чувствовала; такъ же, какъ ты, проводила жизнь въ играхъ и въ забавахъ; въ часы отдохновенія сидя на берегу быстротечныхъ рѣки, удила она рыбу, и никто изъ юношей не могъ похвальиться ни ея нѣжнымъ взоромъ, ни ласковою бесѣдою. Но все сїе не мѣшало плѣниться ею одному юладому пастуху, котораго она между другими не замѣтила. Нѣкогда въ часы вечерніе, по ея обычаяу, возвѣвъ на песчаномъ берегу, держала она дрожащую уду во глубинѣ водной, и, будто уговаривая ея злополучье, рѣчные обицапели уды ея прогать не хотѣли. Уже Цефиза терпѣ-

нѣ и намѣревалась въ хижину возвра-
тилась, какъ вдругъ увидѣла исходя-
щаго юношу изъ нѣдръ водныхъ. Го-
лова его проспникомъ была увѣнчана;
весь онъ былъ преображенъ влажною
правою; въ рукахъ имѣлъ сосудъ, ис-
точающій кристальную воду. Цефиза
убѣжать хотѣла; но мнимый богъ по-
вергнулся предъ нею на колѣни, и
вскричалъ: „Не убѣгай отъ меня,
прекрасная Цефиза! Я есмь боже-
ство, сю рѣку рождающее; бросая въ
мои нѣдра искривленную уду, не рыбу-
чи моє сердце ты уловила; прель-
щенный твоими красопами, учиню те-
бя безсмертною — только не прене-
бреги моей спасти!,, Видѣть бога
своимъ пленникомъ, получить безсмер-
тіе, и навсегда оспасться юною, по-
льстило нещастной Цефизѣ — и
мнимый богъ сдѣлался ея любовникомъ.

Сей обманъ навсегда бы остался
скрытымъ, ежели бы непостоянный
паспухъ, наскуча Цефизою, самъ не
разсказалъ паспушкамъ и юношамъ сво-
ей гнусной хитрости. Цефиза учи-

нилась своимъ любовникомъ и подругами своими пренебреженною, сдѣлалась баснею всей страны той, гдѣ на свѣтъ произошла, изнемогла, и въ опчалнїи низверглась во глубину рѣки, которая виновницею была ея гибели. Рѣка сїя наречена по томъ сѧ именемъ.

Я ни отрицать, ни утверждать любви къ тебѣ Кипридина сына не смѣю; но возьми острѣйшую изъ спрѣль моихъ — новый любовникъ твой безъ сомнѣнія всюду искать тебя будешь — войди въ миртовую рощу — тамо съ нимъ увидишься — тамо порази его въ сердце спрѣлою! Ежели онъ есть богъ, рана ему будетъ нечувствительна — ибо боги плоть имѣютъ безсмертию. Ежели же то какой соблазнитель изъ смертныхъ, не жалѣй о немъ: онъ достоинъ будешь казни за поруганіе боговъ и за его безчестное умышленіе.

Альфидѣ не смѣетъ жестокому совѣту отца своего пропившися.

Серд-

Сердце ел мягко, хотя любовью до нынѣ тронуто не было — она вспоминается за мнимаго бога, копораго прелести уже въ памяти ея лепали. Родитель мой! (говорила она Гианту) я привыкла уязвлять только птицъ хищныхъ: какъ отважусь поразить бога или человѣка, который клянется нѣжною мнѣ любовію? — „Такъ подвергнись жребію нещастной Цефизы, сказалъ Гиантъ съ холодностью — подвергнись, и будь всеобщимъ посмѣшищемъ спраны нашей, а мнѣ при спароспи горькою печалію — или честію, ежели подлинно богъ побою плѣнился. ,,

Слова сїи возмутили духъ добродѣтельной Альфиды. Мысль, бывшъ поруганною отъ своихъ подружекъ, сердечную печаль въ ней производила; а при спароспи опечалишь любезнаго родителя, тяжелъ смерти ей казалось — и ежели не богъ ея любовникъ, то соблазнился въ юмъ она уже осуждала.

Беретъ оспрую спрѣлу изъ рукъ Гіантовыхъ, и, обнявъ его, идетъ задумчива къ рощѣ тихими шагами. Фелана и Зоандръ, примѣчающіе каждое движение, условились дожидаться Альфиды у Кипридина храма. Жрица, давъ полную свободу своему сыну, скрылась въ капищѣ. Вскорѣ дочь Гіантова къ нему приблизилась; видимо пламо хищныхъ птицъ, извивающихся жадъ порывающимся изъ силка голубемъ; напрягаешь лукъ — тогда сынъ Кипридина повергся передъ нею на колѣни. „Учини меня щастливымъ! воскликнулъ онъ — и будь обладательницей вселенныя, раздѣляя сердце со мною, прекрасная Альфика! „— Альфика томнымъ голосомъ спросила у него: „Богъ ли ты, или человѣкъ? Скажи мнѣ истину. „— Я подлинный богъ, отвѣталъ Зоандръ: я есмь сынъ Кипридина и твой невольникъ. Онѣ сынѣ мой! раздался произнѣшній голосъ въ Кипридиномъ храмѣ. Альфика, при семъ словѣ вздохнувъ, отвратила свои глаза и пустила на

угадъ

угадъ спрѣлу изъ рукъ трепещущихъ — лютый рокъ указалъ путь смертной спрѣлѣ, и вонзилась она глубоко близъ сердца Зоандрова — кровь пошекла быстрымъ источникомъ. „Увы! вскричалъ нещастный — Зоандръ умираетъ, два раза пораженный жесپо-кою Альфиою — пораженный въ са-мое сердце!“

Альфика какъ громомъ устрашена была сими словами; лукъ изъ ея руки выпалъ, и стояла она окамененна. Фелана, услышавъ гласъ умирающаго человѣка, выбѣгаешьъ изъ камища — видишь сына своего умирающимъ — яростъ, гнѣвъ и мщеніе возгрѣмѣли въ ея сердцѣ — извлекаешь спрѣлу изъ груди Зоандровой, и познавъ спрѣлу Альфидину, вонзаешь ее съ бѣшенствомъ въ грудь ея. Альфика упадаешь близъ Зоандра — и только успѣла вымолвить: „Увы! почто Зоандръ нарекся богомъ? Можетъ быть — ахъ! можетъ быть“, — —

Не могла она довершить своихъ словъ; души уязвленныхъ любовниковъ

вмѣстѣ излемѣли. Повѣствуютъ, будто кровь ихъ, слившись въ единъ потокъ, произраспила малиновый кустъ, кошорый до нынѣ вѣтви спрѣламъ подобныя изображаетъ и капли крови на своемъ плодѣ имѣетъ.

Люшая Фелана въ отчаяніи лишилась ума; она посмѣшищемъ всѣхъ жителей учинилась; а печальный Гантъ въ то склонной спасости жизнь свою кончилъ.

IV.

ПАЛЕМОНЪ и ДАФНИСЪ.

Идиллия.

На высокомъ кремнистомъ берегу моря сидѣли Палемонъ и Дафнисъ. Златое солнце во всемъ своемъ великолѣпїи сїяло на сафирномъ небѣ, и любовалось красопою свою въ чистомъ зеркалѣ спруящихся водѣ. Безчисленные корабли, изъ разныхъ частей свѣта плывущіе, распусшивъ бѣлые парусы въ легкомъ вѣяніи благопріятшаго вѣтерка, капились по свѣплой

лой поверхности океана, подобно станицамъ бѣлыхъ птицъ, плавно несущихся въ пространствахъ голубаго воздуха. Веселые плавашели на разныхъ языкахъ пѣли громкія пѣсни. Жищели влажной спихіи собирались вокругъ кораблей, плескались, пѣнили воду, и пускали перловые, блестящіе пузыри.

Палемонъ и Дафнисъ сидѣли въ молчаніи и смотрѣли на море. Наконецъ Дафнисъ сказалъ Палемону:

„Выстро несущія корабли на парусахъ, и плавашели радуются благопріятному вѣтру. Ахъ, Палемонъ! куда плывутъ они? Сердце мое сильно бьется, и хочетъ, кажется, выпрыгнуть изъ груди моей, чтобы леть въ слѣдъ за ними по неизмѣренности океана — летѣть въ тѣ отдаленные земли, о которыхъ мы сполько чуднаго слыхали, но въ которыхъ не бывали ни отцы, ни дѣды наши.,,

Палемонъ. Я же чувствую, любезной Дафнисъ, и вмѣстѣ съ тобою

бою завидую щастію плавашелей, ко-
торые весь обширной міръ обѣзжа-
юшъ, и собственными глазами видяшъ
все то, что удивляетъ насъ въ по-
вѣстованіяхъ.

Дафнисъ. Какъ пріятно дышать
всегда новымъ воздухомъ и видѣть
всегда что нибудь новое!

Палемонъ. Правда, что имъ дол-
жно разставаться съ своими друзья-
ями, съ своими любезными — —

Дафнисъ. На нѣкоторое время.
За то вообрази себѣ, Палемонъ, съ
какою радостію возвращаются они на-
конецъ въ свое отечество, къ своимъ
друзьямъ и любезнымъ, и съ какимъ
восторгомъ бросаются въ ихъ объ-
ятия; вообрази, какъ послѣ перваго
изступленія рѣкою ліются радоспныя
слезы ихъ; какъ они смотрятъ на
своихъ милыхъ и не могутъ на нихъ
насмотрѣться —

Палемонъ. Правда, минута сви-
данія наградитъ ихъ за годъ разлуки.

Дафнисъ. По томъ представь се-
бѣ, какъ сладоспно для нихъ успокое-
ніе

еніе послѣ всѣхъ претерпѣній без-
покойствъ и трудностей —

Палемонъ. И съ какимъ удоволь-
спвѣемъ разсказываютъ они о чуде-
сахъ, видѣнныхъ и слышанныхъ ими
въ странахъ чуждыхъ: о садахъ Ге-
сперидахъ, о кривыхъ Циклонахъ, о
людоѣдахъ Лесприонахъ, о Харибдѣ
и Сциллѣ!

Дафнисъ. И какъ всѣ, спарые
и малые, внимая ихъ повѣстямъ, ед-
ва осмысливаются переводить духъ,
и жадными своими взорами хотятъ
ловить мысли на устахъ ихъ, не
имѣя терпѣнія дожидаться рѣчей!

Палемонъ. Ахъ, какъ они щаспи-
ливы! — Но смотри, Дафнисъ, ка-
кія густыя облака вдали показываются!

Дафнисъ. Боги! надоѣло ожидать
сильной бури. Видишь, какъ молнія въ
облакахъ сіаетъ!

Палемонъ. Громъ гремитъ —
тучи приближаются, и море чернѣетъ.

Дафнисъ. Умолкли радостныя пѣ-
сни. Всѣ плывавшіи принялись за ра-
бо-

бопу: опускають парусы, укрепляють мачты.

Палемонъ. Уже вблизи шумитъ буря — свистятъ вѣпры — море волнуетъся.

Дафнисъ. Наступаетъ грозная ночь со всѣми своими ужасами. Спрашено гремятъ громы — пылаетъ небо въ молнияхъ — кипитъ, кипитъ пучина морская, и въ черной смолѣ волнѣтъ ся клубится бѣлая пѣна.

Палемонъ. Видишь, какъ водяныхъ горы къ небу возносятся! видишь, какъ на бурныхъ хребтахъ ихъ корабли сѣлются!

Дафнисъ. Смотри, какъ отчаянны плаватели при блескѣ молний просираютъ руки свои къ небу, требуя спасенія!

Палемонъ. Милосердые боги! спасище ихъ!

Дафнисъ. Увы! несчастные погибаютъ! Разъяренная бездна поглощаетъ ихъ!

Палемонъ. И такъ они не возвращаются къ своимъ любезнымъ!

Оте-

Отечественное эхо не повторитъ ихъ голоса!

Дафнисъ. Выдѣшь на берегъ машь съ дѣтьми своими, долго будешь смотрѣшь на синее море, и не увидишь корабля знакомаго.

Палемонъ. Не увидишь корабля, на которомъ поѣхалъ супругъ ея.

Дафнисъ. Она уронитъ слезу на песокъ берега, и возвратится домой съ сиропами своими.

Палемонъ. Соленая вода размоетъ зѣла ваши, нещастные плаватели!

Дафнисъ. Или алчные киши поглотятъ ихъ.

Палемонъ. Или хищныя птицы исключаютъ ихъ на берегу необитаемомъ.

Дафнисъ. Ахъ! для чего не оспа-
лись вы дома! —

Палемонъ. Дафнисъ! Дафнисъ!.. мы могли имъ завидовать?

Дафнисъ. Ахъ, Палемонъ! куда
иѣ скрыться отъ своей совѣсти!
Принесемъ богамъ покаяніе.

Палемонъ. Просите намъ, милосердые бѣги, что мы холка на мину-

ту были недовольны нашею долею и желали изъ суевнаго любопытства — погибнуть въ волнахъ !

Дафнисъ. Проспите , проспите насъ , милосердые боги ! Впредь мы никогда не будемъ мучить себя воображениемъ отдаленныхъ удовольствий , за которыя — увы ! — такъ дорого плашить должно .

Палемонъ. Будемъ спокойно наслаждаться тѣми благами , которыхъ вы намъ всякой день посылаете .

Дафнисъ. Пусть всегда ясной лучъ восходящаго солнца и сладкой подѣлуй нѣжной Хлои прерывающъ утренній сонъ мой !

Палемонъ. Пусть всегда пасу я пестрое стадо овецъ моихъ , играю на проспяной свирѣли своей , и на душистыхъ зеленыхъ лугахъ обнимаюсь съ моею Филлидою !

Дафнисъ. Пусть всегда буду я упражняемъ отца моего !

Палемонъ. А я радостю моей матери !

Дафнисъ. А когда у насъ будутъ дѣти —

Палемонъ. Милыя дѣти —

Дафнисъ. Тогда —

Палемонъ. Тогда мы будемъ ихъ ласкать и цѣловать, подобно какъ торлица ласкаетъ и цѣлуетъ птенцовъ своихъ.

Дафнисъ. Мы будемъ ими играть и пѣшишься, пока онъ малы —

Палемонъ. Будемъ ихъ добру учить; когда онъ выросшутъ.

Дафнисъ. Скажемъ имъ: Любезный дѣти! когда вы въ ясной полдень будете сидѣть на высокомъ берегу моря; когда увидите корабли; быстро несущиеся на бѣлыхъ парусахъ; когда услышите веселыя пѣсни плавателей —

Палемонъ. И позавидуете ихъ учени

Дафнисъ. Тогда вспомнишь, что небо вдругъ можетъ покрыться черными шучами —

Палемонъ. Могутъ вдругъ зарѣть бури —

Дафнисъ. И въ смущенной сти-
хіи погребши плавапелей со всѣми
ихъ радоспными надеждами. —

Палемонъ. Я чувствую холодъ.
Возвратимся въ нашу хижину, любез-
ной Дафнисъ! —

Они встали и пошли въ свою хи-
жину, гдѣ любовь и спокойствие ожи-
дали ихъ.

V.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕ-
СТВЕННИКА.

(Продолженіе.)

Эглизау.

Шумящія волны быстро несли
нашу лодку между плодоносныхъ береговъ Рейна. День склонялся къ вѣчеру. Я былъ такъ доволенъ, такъ веселъ; качаніе лодки приводило кровь мою въ такое пріятное волненіе; солнце такъ великолѣпно сѣяло на насъ сквозь зеленые рѣшетки вѣтвистыхъ деревъ, которыя въ разныхъ мѣстахъ увѣнчавають высокой берегъ;

жар-

жаркое золото лучей его шакъ прекрасно мѣшалось съ чистымъ серебромъ Рейнской пѣны; уединенные хижины шакъ гордо возвышались среди виноградныхъ садиковъ, которые со спавляютъ богатство мирныхъ семействъ, живущихъ въ проспощъ Наштуры — ахъ, друзья мои! для чего не было васъ со мною?

Въ Эглизау, маленькомъ городкѣ, на половинѣ дороги отъ Шафгаузена къ Цириху, вышли мы на берегъ, заплативъ лодошику новой Французской талеръ, или два рубли. Хотя солнце уже садиша, однако жъ мы не намѣрены здѣсь ночевать. Выпивъ въ трактиръ чашекъ пять кофе, я чувствую въ себѣ такую бодрость, что готовъ пуститься пѣшкомъ на десять миль. Товарищъ мой Б*, которой съ корпикомъ и съ собакою прошелъ всю Германію, совсѣмъ не знаетъ успѣлости — всегда уходитъ у меня впередъ, оборачивается и смиѳется надъ моею дряхлостью. До Цириха останется намъ перейти еще болѣе двухъ

шиль. Завтра воскресенье, и Лафатеръ поутру въ семь, или въ восемь часовъ будешъ говорить проповѣдь въ церкви Св. Петра; мнѣ хочется прійти туда къ сему времени. — Б* подаетъ мнѣ посохъ и шляпу. Прощите!

Лишь только вышли мы изъ Эгизау, солнце закапилось; сѣрыя облака покрыли небо; вечеръ становился часъ отъ часа темнѣе, и скоро наступила самая мрачная ночь. Намъ надобно было идти лѣсомъ, въ которомъ царствовала мертвая птичина. Мы останавливались и слушали — но ни одинъ листочекъ на деревѣ не шевелился. Я громко произнесъ имя Сильвана: эхо повторило его, и опять все умолкло. Мнѣ казалось, что я приближаюсь къ святилищу уединеннаго бога лѣсовъ, и вижу его вдали спящаго съ кипарисною вѣтвью. Сердце мое чувствовало вмѣстѣ и страхъ и тихое, неизѣяснимое удовольствие. Такимъ образомъ шли мы

около двухъ часовъ, не встрѣтясь ни съ однимъ человѣкомъ. Тутъ поѣхалъ сильной, холодной вѣтеръ, и Б* признался мнѣ, что онъ желалъ бы скорѣе дойти до какой нибудь деревни или до трактира, гдѣ бы намъ можно было ночевашь. Я и самъ желалъ шоего же, по шому что лѣпній мой кафтанъ худо защищалъ меня отъ холоднаго вѣтра. Наконецъ мы пришли въ маленькую деревеньку, гдѣ уже всѣ спали; только въ одномъ домѣ свѣтился огонь, и сей домъ былъ трактиръ. Съ видомъ удивленїя посмотрѣлъ на насъ трактирщикъ, покачалъ головою, и сказавъ: *вѣ темную ночь бродить пѣшкомъ не прилично такимъ господамъ!* отворилъ цамъ дверь. Мы вошли въ большую горницу, въ которой не было ничего, кроме пяти или шести споловъ и дюжины деревянныхъ спульевъ. Прежде всего заговорили мы обѣ ужинѣ. Тотчасъ все будемъ гопово, сказалъ трактирщикъ, и принесъ намъ сыру, масла, хлѣба и бушылку кислаго вина. Что же

еще будешь? спросили мы. Ничего, отвечалъ онъ. Дѣлать было нечего, и пожавъ плечами, принялись мы за ужинъ. Попомъ повелъ насъ хозяинъ въ спальню, то есть на чердакъ, въ маленькой чуланъ, где мы нашли постель, очень не мягкую и очень не чистую; однако же успалость принудила насъ искать на ней успокоенія. Черезъ два часа я проснулся, взялъ свѣчу, сошелъ внизъ, въ ту горницу, где мы ужинали, и сѣлъ написать къ вамъ нѣсколько строкъ, друзья мои! Между тѣмъ подвалищъ мой спишъ очень покойно. Однако же я намѣренъ теперь разбудить его, чтобы, напившись кофе, ити въ Цирихъ. Вѣтеръ утихъ, и небо прояснилось; скоро будешь свѣщать.

Цирихъ.

Въ половинѣ девятаго часа пришли мы въ Цирихъ, въ самое то время, когда весь народъ шелъ изъ церкви; и такимъ образомъ въ сїе воскресенье не удалось мнѣ слышать Лафа-

теровой проповѣди. Всѣ мушки и женщины, кошорыя мнѣ встрѣчались на улицахъ, были одѣты по - праздничному: первые по большей часщи въ темныхъ кафтанахъ, а послѣднія, всѣ безъ исключенія, въ черномъ длинномъ плашь изъ шерстяной матеріи; на головахъ у нихъ были или чепчики, или покрывала. Парадное плашье Цирихскихъ Сенаторовъ состоишъ въ черномъ суконномъ кафтанѣ, съ черною шелковою епанчею и съ превеликимъ бѣлымъ крагеномъ. Въ шакомъ нарядѣ приходяшъ они обыкновенно въ Совѣтъ и въ церковь по воскресеньямъ.

Нынѣ послѣ обѣда принялъ менѣ Лафатеръ очень ласково, и наговорилъ мнѣ довольно прїятнаго. Ему хотѣлся, чтобы я выдалъ на Рускомъ языке извлеченіе изъ его сочиненій. „Когда вы возвратитесь въ Москву, сказалъ онъ, тогда я буду пересыпать къ вамъ черезъ почту рукописной оригиналъ. Вы можете собрать подпиську, и увѣришь Публику, что въ извлечениихъ моемъ не будетъ ни одного

необдуманного слова.,, Что вы объ
зпомъ скажете, друзья мои? Найдуши-
ся ли у насъ чищели для такой
книги? По крайней мѣрѣ сомнѣваюсь,
чтобы ихъ нашлось много. Однако жъ
я принялъ Лафаперово предложеніе,
и мы ударили съ нимъ по рукамъ. —
Опѣмъ него ходилъ я на Цирихское за-
городное гульбище, большой прекрас-
ной лугъ, проспирающійся вдоль по
берегу рѣки Лимматы, и осѣняемый
спарыми почвенными липами. Тутъ
нашелъ я очень много людей, ко-
торые всѣ кланялись мнѣ какъ знакомо-
му. Таковъ обычай въ Цирихѣ: вся-
кой встрѣчающейся на улицѣ человѣкъ
говоритъ вамъ: *доброй день*, или *доброй вѣтровѣ!* Успивость хороша; одна-
ко жъ рука устанетъ снимать шля-
пу — и я рѣшился наконецъ ходить
по городу съ открытою головою. Въ
девятомъ часу возвратился я къ Ла-
фаперу, и ужиналъ у него съ нѣко-
торыми изъ его пріятелей и со всѣмъ
его семействомъ, кроме сына, кото-
рой теперь въ Лондонѣ. Большая Ла-
Фа-

Фашерова дочь не хороша лицемъ, а меньшая очень пріятна и рѣзва; первой будешь около двадцати, а последней около двѣнадцати лѣтъ. Хозяинъ нашъ былъ веселъ и говорливъ; шутилъ, и шутилъ забавно. Между прочимъ зашла рѣчь объ одномъ изъ его извѣсныхъ непріятелей — я обратилъ на Дафатера все свое вниманіе — но онъ молчалъ, и на лицѣ его не видно было никакой перемѣны. Едва ли справедливо будешь требовать отъ него, чтобы онъ хвалилъ тѣхъ, которые браятъ его такъ жестоко; довольно, если онъ не плашитъ имъ таю же бранью. Пфеннингеръ сказывалъ мнѣ, что Дафатеръ давно уже поставилъ себѣ за правило не читать тѣхъ сочиненій, въ которыхъ обѣ немъ пишутъ; и такимъ образомъ ни хвала, ни хула до него не доходитъ. Я почитаю сѣ за знакъ рѣдкой душевной твердости; и человѣкъ, которой, поступая сообразно съ свою совѣстю, не смотритъ на то, что думаютъ обѣ немъ другіе люди.

есТЬ для меня великой чловѣкъ.
МеждУ тѣмъ, друзья мои, желаю вамъ
покойной ночи.

Нынѣ поутру пилъ я кофе у
Господина Т*, отца извѣстной вамъ
дѣвицы Т*, и познакомился со всѣмъ
его семействомъ, довольно многочи-
сленнымъ. Удивляюсь, какъ отецъ и
мать могли отпустить дочь свою въ
шакую отдаленную землю! Соспоянѣе
ихъ (сколько я видѣлъ и слышалъ)
очень не бѣдно — да и много ли надобно
для содержанія одной дочери ! Къ по-
му же Швейцары такъ спраснно лю-
бятъ свое опечество, что почипа-
ющъ за великое нещастіе на долго
оспавляющъ его. — Вмѣстѣ съ Госпо-
диномъ Т* ходили мы смотрѣть ученья
Цирихской милиціи. Почти всѣ жите-
ли были зришелями сего спектакля,
для нихъ рѣдкаго. Тутъ случилось со
мною нѣчто не весьма пріятное. Г.
Профессоръ Брейпингеръ, съ кото-
рымъ я еще не видался по возвраще-
ніи своемъ изъ Шафгаузена, встрѣ-
тился

тился мнѣ въ шолѣ народа, когда уже кончилось ученье , и послѣ перваго привѣтствія спросилъ, каково показалось мнѣ *видѣніе* мною ? Я подумалъ, что онъ говоришь о паденіи Рейна ; воображеніе мое шотчасъ предстavило мнѣ сїю величественную сцену — земля запряслась подо мною — все вокругъ меня зашумѣло — и я съ жаромъ сказалъ ему : *ахъ ! кто можетъ описать великолѣпіе сего явленія ?* *Надобно только видѣть и удивляться.* „Это были наши волонтеры,, — отвѣчалъ мнѣ Г. Профессоръ , и съ поклономъ ушелъ отъ меня. Тутъ я почувствовалъ, что онъ спрашивалъ меня не о паденіи Рейна , а объ ученьѣ Цирихскихъ солдатъ: каковымъ же показался ему отвѣтъ мой ? Признавшись, я досадовалъ и на себя и на него , и хотѣлъ-было бѣжать за нимъ, чтобы вывеспи его изъ заблужденія , споль оскорбительного для моего самолюбія ; но между тѣмъ онъ уже скрылся,

Въ десять часовъ вечера. Я болѣе
и болѣе удивляюсь Лафаперу, любез-
ные друзья мои. Вообразите, что онъ
чата свободнаго не имѣетъ, и дверь
кабинета его почти никогда не за-
шворяется; когда уйдешъ нищій, при-
демъ печальный, требующій утѣше-
нія, или пушечеспвенникъ, не тре-
бующій ничего, но отвлекающій его
отъ дѣла. Сверѣхъ того посѣщаешьъ
онъ больныхъ, не только живущихъ
въ его приходѣ, но и другихъ. Нынѣ
въ семь часовъ, отправя на почту
несколько писемъ, схватилъ онъ шля-
пу и побѣжалъ изъ комнаты, сказавъ
мнѣ, что я могу идти съ нимъ вмѣ-
стѣ. Посмотримъ, куда, — подумалъ
я, и пошелъ за нимъ — изъ улицы въ
улицу, и наконецъ совсѣмъ вонъ изъ
города, въ маленькую деревеньку, и
на крестьянской дворѣ. Жива ли Ани-
ка? спросилъ онъ у пожилой женщи-
ны, которая вспрѣшила насъ въ сѣ-
няхъ. Суть душа держится, отвѣ-
чала она со слезами, и отворила намъ
дверь въ горницу, гдѣ увидѣлъ я спа-
рую

ную, изсохшую и блѣдную женщину, лежащую на постелѣ. Два мальчика и двѣ дѣвочки спояли подлѣ постели и плакали; но увидѣвъ Лафашера, бросились къ нему, схватили его за обѣ руки и начали цѣловать ихъ. Онъ подошелъ къ больной, и ласковымъ голосомъ спросилъ у нее, какова она? *Умираю — умираю*, отвѣтала сашурка, и болѣе не могла сказать ни слова; усѣремивъ глаза на грудь свою, которой спрашнымъ образомъ вверхъ подымалась. Лафашеръ сѣлъ подлѣ нее, взялъ ея руку, и началъ приготавлять ее къ смерти. „Часъ твой приблизился, сказалъ онъ, и Спаситель нашъ ожидаетъ тебя. Не спрашивай гроба и могилы! не ты, но только бренное тѣло твоё въ нихъ заключится. Въ самую ту минуту, когда глаза твои закроются на вѣки для здѣшняго мѣра, возсіяетъ тебѣ заря вѣчной и лучшей жизни. Благодаря Бога, ты дожила здѣсь до глубокой спасости, — видѣла взрослыхъ дѣпей и внучатъ своихъ, взрослыхъ во благочестіи

и доброправіи. Они будутъ всегда благословлять память твою, и наконецъ съ лицемъ свѣплымъ обнимутъ тебя въ жилищѣ блаженныхъ. Тамъ, памъ соспавимъ мы всѣ одно щасливое семейство!,, — При сихъ словахъ перервался Лафашеровъ голосъ; онъ уперся бѣлымъ плашкомъ, и по томъ, прочитавъ молитву, благословилъ умирающую, проспился съ нею — подѣловалъ маленькихъ дѣтей — сказалъ, чтобы онѣ не плакали, и давъ имъ по нѣсколько копѣекъ, ушелъ. Мне было очень тяжело, однако же слезы не хотѣли литься изъ глазъ моихъ; насилиу могъ я свободно вздохнуть на чистомъ вечернемъ воздухѣ.

Гдѣ вы берете столько силъ и столько терпѣнія? сказалъ я Лафашеру, удивляясь его дѣятельности. „Другъ мой! отвѣчалъ онъ съ улыбкою: человѣкъ можетъ дѣлать много, если захочетъ; и чѣмъ болѣе онъ дѣйствуетъ, тѣмъ болѣе находишь въ себѣ силы и охопы къ дѣйствию.,

Не думаешь ли вы, друзья мои, что Лафашеръ, помощникъ бѣдныхъ, очень богатъ? Нѣтъ, доходы его вѣсма не велики. Но онъ продаетъ многія изъ своихъ сочиненій, и печатныя и письменныя, въ пользу неимущихъ братій; и собирая такимъ образомъ изрядную сумму денегъ, раздаетъ ее просащимъ. Я купилъ у него два манускрипта: *сто тайныхъ физиогномическихъ правилъ* (въ заглавіи которыхъ написано: *Lache des Elends nicht, und der Mittel das Elend zu lindern*) и *памятникъ для любезныхъ странниковъ* (*); за последнюю рукопись онъ же взялъ съ меня денегъ, а велѣлъ мнѣ

(*) Лафашеръ въ печатномъ своемъ физиогномическомъ сочиненіи бережется показывать въ лицахъ человѣческихъ шѣи черви, кошорыя означающіе худое: въ семъ письменномъ (которое, по его словамъ, никогда не должно быть напечатано) говоришъ онъ вольнѣе. — *Памятникъ для путешественниковъ* есть для меня одно изъ лучшихъ его твореній; онъ напечатанъ въ *Hand-Bibliothek für Freunde*.

мнѣ отдать ихъ одному бѣдному Фран-
цузу, которой пришелъ къ нему про-
сить милости.

Господинъ Т* пригласилъ меня
ѣхать съ нимъ завтра на лодкѣ про-
гуливаться по Цирихскому озеру; на-
дѣюсь, что эта прогулка будеѣ для
меня очень пріятна.

Я имѣлъ удовольствіе познако-
миться сегодня съ человѣкомъ весь-
ма любезнымъ — съ Архидіакономъ
Тоблеромъ, которой мнѣ извѣстенъ
былъ по своимъ сочиненіямъ, а особ-
ливо по переводу Томсоновыхъ временъ
года, изданному покойнымъ Геснеромъ,
другомъ его. Онъ пришелъ ко мнѣ
нынѣ поушру съ Господиномъ Т*, и
прельстилъ меня проспotoю своего
обхожденія. Вмѣстѣ съ нимъ и съ двумя
сестрами дѣвицы Т* поѣхали мы въ
большой лодкѣ гулять по озеру. Не-
льзя было выбрать для сего лучшаго
дня: на небѣ не показывалось ни одно
облачко, и вода едва, едва спрuiлась.
На томъ и на другомъ берегу озера

видны отмѣнно хорошо выстроенные деревни, сельскіе домики богатыхъ Цирихскихъ гражданъ, и виноградные сады, безпрерывно проспирающіеся. Ровно за сорокъ лѣтъ передъ симъ, любезные друзья мои, безсмертной Клопштокъ — съ молодыми своими друзьями и съ любезнѣйшими изъ Цирихскихъ молодыхъ дѣвицъ — каталася по озеру. „Я какъ теперь смотрю на Клопштока (сказалъ Г. Тоблеръ) На немъ былъ красной кафтанъ. Въ тотъ день отмѣнно нравилась ему дѣвица Шинцъ, и потому выбрали ее въ Королевы праздника. Вершиллъ сдѣлалъ изъ ея перчатки кокарду для Клопштоковой шляпы. Божественной пѣвецъ Мессіады разливалъ радость вокругъ себя., Сю звѣрную радость — радость, какую могутъ только чувствовать великия души — воспѣлъ Клопштокъ въ прекрасной одѣ своей Züricher-See, которая осталась вѣчнымъ памятникомъ пребыванія его въ здѣсихъ мѣстахъ — пребыванія, лаврами и миртами увѣнчанного. Г. Тоблеръ —

твоя о томъ, какъ уваженъ былъ сей Поэтъ въ Цирихѣ — сказывалъ мнѣ между прочимъ, что однажды изъ Канттона Гларуса пришли въ Цирихѣ двѣ молодыхъ пастушки, единственно за пѣмъ, чтобы видѣть Клопшпока. Одна изъ нихъ взяла его за руку и сказала: Ach! wenn ich in der Clarissa lese und im Mef-sias, so bin ich außer mir! (ахъ! читая Клариссу и Мессиаду, я сижу себѣ бы-ваю!) Друзья мои! вообразите, что въ сїю райскую минуту чувствовало сердце Пѣснопѣца! — Разговаривая такимъ образомъ съ почтеннымъ Архи-дакономъ, не видаль я, какъ мы оплыли отъ города двѣ мили, или около пятнадцати верстъ. Тутъ надлежало намъ выйти на берегъ близъ небольшой деревеньки, въ которой Г. Тоблеръ родился, и гдѣ отецъ его былъ Священникомъ. Всѣ крестьянскіе домики въ сей деревнѣ имѣютъ очень хороший видъ, и почти подъ всякаго есть садикъ, съ плодовиты-ми деревьями и съ грядами, на ко-
рыхъ

рыхъ распушъ благовонные цветы и
новаренные правы. Во внутренности
домовъ все очень чисто. Тутъ ви-
дѣлъ я семейной крестьянской обѣдъ.
Когда всѣ собрались къ столу, хозяй-
ка прочитала вслухъ молитву; по-
слѣ чего всѣ сѣли вокругъ стола —
мужъ подлѣ жены, брашъ подлѣ се-
стры — и принялись за супъ, а по-
томъ за сыръ и масло. Обѣдъ заклю-
ченъ былъ также молитвою; при чёмъ
мужчины стояли безъ шляпъ, кото-
рыхъ они впрочемъ почти никогда сѣ-
головы не снимають. Даже и город-
скіе жители не рѣдко обѣдають въ
шляпахъ, — что почитается у нихъ
за знакъ свободы и независимости.

Мы обѣдали въ сельскомъ прак-
тически, и Ѳли очень вкусную рыбу,
ловимую въ Цирихскомъ озере. Гово-
рятъ, будто въ Швейцарии вообще
больше Ѳдятъ, нежели въ другихъ
земляхъ, и приписываютъ сїе дѣй-
ствію здѣшняго острого воздуха. Чѣ-
принадлежитъ до меня, то хотя я
обѣдаю и ужинаю въ Швейцарии сѣ

добрый аппетитомъ, однако жъ не могу назвать его чрезмѣрнымъ или отмѣннымъ. Послѣ обѣда перѣхали мы на другую сторону озера, гдѣ встрѣтилъ насъ свойственникъ господина Т*, живущій почти на самомъ берегу въ большомъ домѣ. Онъ показывалъ намъ свое хозяйство, своихъ коровъ, своихъ лошадей, и большой плодовитой садъ. Потомъ, когда мы пришли къ нему въ домъ, подчиваля онъ насъ прекрасными абрикосами и очень хорошимъ краснымъ виномъ, не купленнымъ, а домашнимъ; между тѣмъ дочь его играла очень пріятно на клавесинѣ. Часовъ въ семь поплыли мы назадъ въ Цирихъ, и я имѣлъ удовольствие видѣть снежные горы, позлащеныя заходящимъ солнцемъ, и наконецъ помраченные густыми тѣнями вечера. Огни городскіе представляли намъ вдали прекрасную иллюминацію, и мы вышли на берегъ въ исходѣ десятаго часа. мнѣ оставалось только благодарить Архидіакона Тоблера, Господина Т* и дочерей его за всѣ тѣ удовольствія, которыми я наслаждался сегодня въ ихъ обществѣ. — — —

въ

Въ Цирикѣ есть такѣ называемая *дѣвичья школа* (*Töchter-Schule*), кою по-
рая достойна вниманія всѣхъ, прѣѣзжа-
ющихъ въ сей городъ. Въ ней без-
денежно учащія бо молодыхъ дѣвушекъ (отъ двѣнадцати до шесѣнад-
цати лѣтъ) читать, писать, арие-
мепикъ, морали и экономіи; то есть,
пріуготовляются быть хорошими хо-
зяйками, супругами и матерями. Прі-
ятно видѣть вмѣстѣ столько моло-
дыхъ красавицъ, весьма опрятно и
чисто одѣшныхъ, и учащихся въ пи-
шии и съ великою прилежностью,
подъ надзоромъ благочестивыхъ учи-
тельницъ, которыя обходятся съ ни-
ми какъ нѣжныя матери съ милыми
дѣтьми своими. Тутъ дочь богатѣй-
шаго Цирихскаго гражданина сидитъ
подлѣ дочери бѣднаго сосѣда своего,
и научається чтишь достоинство, а
же богатство. — Сія благодѣтельная
школа учреждена въ 1774 году Гм. Про-
фессоромъ Устери, котоrой, къ общему
сожалѣнію своихъ согражданъ, умеръ
въ началѣ мынѣшняго лѣта.

Можемъ быть ни въ какомъ другомъ Европейскомъ городѣ не найдете вы, друзья мои, такихъ неиспорченныхъ нравовъ, и такого благочестія, какъ въ Цирихѣ. Здѣсь-то еще спро-го наблюдаются законы супружеской вѣрности — и жена, копорая осмѣ-жилась бы явно нарушить ихъ, сдѣла-лась бы предметомъ общаго поруганія. Здѣсь мать почитаетъ воспитаніе дѣ-дѣй главнымъ своимъ упражненіемъ; а какъ и самые богатые изъ Цирих-скихъ жителей не держатъ болѣе одной служанки, то всякая хозяйка находитъ для себя много дѣла въ домашней жиз-ни, не угнѣщается праздностью, ма-шерью многихъ пороковъ, и рѣдко хо-дитъ въ гости. Театръ, балы, ма-скерады, клубы, великолѣпные обѣды и ужины! вы здѣсь неизвѣстны. Ино-тда сходятся двѣ, три, четыре прѣ-дѣльницы — разговариваютъ друже-ски — вмѣстѣ работаютъ, или читаютъ Геснера, Клопштока, Томсона и дру-гихъ Писателей и Поэтовъ, которые же приводятъ цѣломудріе въ краску.

Рѣдко бывающъ онъ вмѣстѣ съ пеемъ
ронними мушинами, а при чужестран-
цахъ стыдящеся говорить, думая, что
Цирихской выговоръ пропивенъ ихъ
ушамъ. Всѣ онъ одѣваются просто,
не думая о Французскихъ модахъ, и
совсѣмъ не употребляютъ румянъ. —
Мушки отправляютъ поупру дѣла
свои: купецъ идетъ въ контору или
въ лавку, Ученой садится читать или
писать, художникъ берется за свою
работу, и такъ да же. Въ поддень
обѣдаюшъ; а ввечеру прогуливаются,
или въ пріятельскихъ бесѣдахъ курятъ
табакъ, пьюшъ чай и кофе — купцы
говорятъ о торговыхъ, а Ученые обѣ
ученыхъ дѣлахъ, и такимъ образомъ
проводятъ время. Не знаю, прода-
юшся ли въ Цирихѣ карпы; по край-
ней мѣрѣ въ нихъ здѣсь никогда не
играютъ, и не знашъ сего прекрас-
наго средства убивать время (прос-
пите мнѣ сей галлизмъ) средства,
которое въ другихъ земляхъ сдѣла-
лось почти необходимымъ.

Мудрые Цирихскіе законодатели знали, что роскошь бываетъ гробомъ вольности, равенства и добрыхъ правовъ, и постарались заградить ей входъ въ свою Республику. Мужчины не могутъ здѣсь носить ни шелковаго, ни бархатнаго плаща, а женщины ни брилліантовъ, ни кружевъ; и даже въ самую холодную зиму никто не смеетъ надѣть шубы, для того что мѣха здѣсь очень дороги. Въ городѣ запрещено здѣсть въ каретахъ, и потому здоровыя ноги здѣсь гораздо болѣе уважаются, нежели въ другихъ мѣстахъ. Во внутренности домовъ не увидите вы никакихъ богатыхъ уборовъ — все просто и хорошо. Хотя чужестранный жина сюда привозится, однако жъ ихъ позволено употреблять только въ лекарство. Только думаю, что сей законъ не очень строго наблюдается. На прим. у Лафапера за столомъ пили мы малагу; но онъ взялъ ее можетъ быть изъ Аптеки, по предписанію своего Доктора Г*.

Я слыхалъ прежде, будто въ Швейцаріи жить дешево; теперь могу сказать, что это не правда, и что здѣсь все гораздо дороже, нежели въ Германіи: на прим. хлѣбъ, мясо, дрова, платье, обувь и прочая необходимости. Причина сей дорогоизны есть богатство Швейцаровъ. Гдѣ богаты люди, тамъ дешевы деньги; гдѣ дешевы деньги, тамъ дороги вещи. Обѣдъ въ трактирѣ стоишъ здѣсь восемь гривенъ; то же самое платилъ я въ Базель и въ Шаффгаузенъ. Правда, что въ Швейцарскихъ трактирахъ никогда не подаютъ на столъ менѣе семи или осми хорошо приготовленныхъ блюдъ, и по томъ десертъ на четырехъ или на пяти тарелкахъ.

Я всякой день бываю у Лафатера, обѣдаю у него, и хожу съ нимъ по вечерамъ прогуливаться. Онъ обходится со мною очень дружелюбно, и разспрашиваетъ меня иногда о подробностяхъ жизни моей, позволяя и

мнѣ предлагать ему разные вопросы,
а особенно на письмѣ. Въ примѣръ
переведу вамъ отвѣтъ его на одинъ
изъ моихъ вопросовъ. Вопросъ:
„Какая есть всеобщая цѣль бытія
нашего, равно достижимая (*)
для мудрыхъ и слабоумныхъ? „ —
Отвѣтъ: „Бытие есть цѣль бытія.
„ — Чувство и радость бытія (Daseyns-
„, frohheit) есть цѣль всего, что че-
„, ловѣкъ искать можетъ. Мудрой и
„, слабоумной только сего ищутъ —
„, ищутъ средствъ къ тому, чтобы
„, наслаждаться бытіемъ своимъ, или
„, чувствовать его — ищутъ того,
„, черезъ что они самихъ себя силь-
„, нѣе ощупить могутъ. — Всякое
„, чувство и всакой предметъ, пости-
„, гаемой которыминибудь изъ нашихъ
„, чувствъ, суть прибавлений (Beutgäte)
„, нашего самочувствованія (Selbstgeföhles);
„, чѣмъ болѣе самочувствованій, тѣмъ бо-

„, лѣ

(*) То есть, до которой доспигиушь можно:
Я осмѣялся по аналогии употребить сю-
самово.

„ лѣ блаженсва. — Какъ различны на-
„ ши организаціи или образованія, такъ
„ же различны и наши потребности
„ въ средстvахъ и предметахъ, ко-
„ торые новымъ образомъ даютъ намъ
„ чувствовашь наше бытіе, чаши
„ силы, нашу жизнь. — Мудрой оп-
„ личається отъ слабоумнаго только
„ средствами самочувствованія. Чѣмъ
„ проспѣе, вездѣсущнѣе, всенаслави-
„ тельнѣе, посмояннѣе и благодѣтель-
„ нѣе есть средство или предметъ, въ
„ которомъ или черезъ которой мы
„ сильнѣе существуемъ, тѣмъ суще-
„ ственнѣе (existenter) мы сами, тѣмъ
„ вѣрнѣе и радостнѣе бытіе наше
„ — тѣмъ мы мудрѣ, свободнѣ,
„ любящѣ (liebender), любимѣ, живу-
„ щѣ, оживляющѣ, блаженнѣ, чело-
„ вѣчнѣ, божественнѣ, съ цѣлію бытія
„ нашего сообразнѣе. — Изслѣдуйте
„ точно,透过什么和怎样你
„ пріятнѣе или тверже существуєте?
„ Что вамъ доставляетъ болѣе масла-
„ жденія — разумѣешся такого, ко-
„ торое никогда не можетъ причини-
„ , нипѣ.

„ ничьи раскаинія — которое всегда съ
„ спокойствіемъ и внутреннею свободо-
„ дою духа можетъ и должно быть сно-
„ ва желаемо? чѣмъ достойнѣе и суще-
„ ственнѣе избираемое вами средство,
„ тѣмъ достойнѣе и существеннѣе вы
„ сами; чѣмъ существеннѣе вы дѣ-
„ лаетесь — то есть, чѣмъ сильнѣе,
„ вѣрнѣе и радостнѣе существованіе.
„ ваше — тѣмъ болѣе приближаетесь
„ вы ко всеобщей и особливой цѣли
„ бытія вашего. Отношеніе (Anwen-
„ dung) и изслѣдованіе сего положенія
„ (отношеніе и изслѣдованіе есть одно)
„ покажетъ вамъ истину, или (что
„ опять все одно) всеописимость
„ онаго. Цирихъ, въ четвертокъ вве-
„ черу, 20 Августа 1789. Іоаннъ Ка-
„ спаръ Лафашеръ., Каковъ вамъ ка-
жется сей опять, друзья мои? Вы
конечно не подумаете, чтобы я въ
самомъ дѣлѣ надѣялся свѣдѣть отъ
Лафашера цѣль бытія нашего; мнѣ
хотѣлось только узнать, что онъ
можетъ о томъ сказать. Такимъ обра-
зомъ всякое упро прихожу къ нему
съ

съ какимъ нибудь вопросомъ. Онъ прі-
чепъ мою бумажку въ карманъ, и вве-
черу отдастъ мнъ отвѣтъ, на ней
же написанной, — оставляя у себя ко-
пію. Я увѣренъ, что все сіе будешъ
напечатано въ ежемѣсячномъ его сочи-
неніи, которое съ новаго года дол-
жно выходитъ въ Берлинъ, подъ пи-
шуломъ: *Отвѣты на вопросы моихъ
пріятелей* (*).

Лафатеръ намѣренъ еще издавать,
также съ будущаго года, *Библиотеку*

для

(*) Я угадалъ, — и первая піеса, напеча-
транная въ семъ ежемѣсячномъ сочиненіи,
если отвѣтъ на мой вопросъ о цѣли бы-
шія Берличскимъ Рецензентамъ показалось
забавно: *Die constante, solideste, futona-
belste Existenz* — или: *Daseyn ist der
Zweck des Daseyns*, — — и проч., Г. Н. №
(говоритъ Рецензентъ во всебѣй Нѣмец-
кой Библіошкѣ) конечно больше нашето
знакомъ съ икрою Лафатеровыхъ мыслей;
ему оставляемъ мы разумѣть сіе изъясненіе
цѣли бышія нашего., — мнѣ кажется,
что мысли А.Фатеровы (не смотря на
насмѣшики осиротѣлыхъ Берлинцевъ) и по-

ниш-

для друзей, гдѣ будущъ помѣщаемы
такія пѣсы, которыхъ онъ, по ка-
кимъ нибудь причинамъ, не хочетъ
сдѣлать публичными. Только пріяте-
ли его могутъ получать сю Библіо-
теку; и хотя она будетъ печат-
ная, однако жъ они обязываются почи-
пашь ее за манускриптъ.

По сїе время Лафашеровы сочине-
нія составляютъ около пятидесяти
томовъ; естьли онъ проживетъ еще
льшъ двадцать, то сїе число можетъ
вдвое умножиться. За всѣмъ тѣмъ,
по его словамъ, сочиненіе есть для
чего не работа, а отдыхъ.

Сверхъ всего того, что Лафа-
шеръ пишетъ для публики и для прі-
ятелей, ведетъ онъ журналъ жизни
своей, которой есть шайна и для са-
мыхъ

мяшны и справедливы, и даже весьма обык-
новенны; здѣсь можно назвать новыми
шолько одинъ выраженія. Но Г. Аделунгъ ко-
нечно имѣшъ причину жаловаться, что
Лафашеръ не всегда думаетъ о чистошѣ
Нѣмецкаго слога.

мыхъ друзей его, и которой оспа-
ищется въ наследство его сыну. Тутъ
описываются онъ всѣ свои важнѣйшіе
опыты, сокровенныя связи съ нѣко-
торыми людьми, свои надежды, радости
и печали. — Вѣроятно, что въ сихъ
запискахъ много интереснаго — и я
почти увѣренъ, что они со временемъ
будутъ напечатаны — еспѣли
не для меня и не для васъ, то по
крайней мѣрѣ для дѣтей вашихъ,
друзья мои. Девятой-надеянье вѣкъ!
сколько въ тебѣ откроется такого,
что теперь почитается тайною!

Раза прибылъ я у почтеннаго спа-
рика Тоблера, и провелъ у него часовъ
пять или шесть, весьма пріятныхъ. Онъ
такъ многоразъказывалъ мнѣ о покойномъ
Бодмерѣ и Швейцарскомъ Теокрипѣ!
„Геснеръ украсилъ весну жизни моей,
„(говоритъ онъ) — и во всѣхъ пріят-
„ныхъ сдѣнахъ моей юности, о кото-
„рыхъ теперь съ удовольствіемъ вос-
„поминаю, вижу его передъ собою.
„Часто проводили мы вмѣстѣ длинные
зимніе вечера въ членіи Позловъ;

, и почти всегда, когда я приходилъ
къ нему, вспрѣчалъ онъ меня съ
какою нибудь пріятною новоспію,
имъ сочиненнаю. Домъ его былъ Ака-
демію изящной Липпературы и
Искусства — Академію, какой Го-
судари основашъ не могутъ., Вы
знаете, что Геснеръ посвятилъ сво-
его Дафниса одной девицѣ; но не
знаете, можетъ быть, что сїя деви-
ца была дочь Г. Гейдеггера, Цирих-
скаго Сенатора, и что швorerецъ Даф-
ниса скоро послѣ того женился на ней,
и жилъ съ нею всегда какъ любовникъ
съ любовницею. — По любви къ чело-
вѣчеству, прискорбно было мнѣ слы-
шать, что Геснеръ не могъ терпѣть
Лафапера, и не смотря на всѣ спа-
ранія общихъ друзей ихъ, никогда не
хотѣлъ съ нимъ помириться. Тѣмъ бо-
льше чести сему послѣднему, что
онъ, по смерти Геснеровой, сочинилъ
ему похвальные спихи!

Съ Профессоромъ Мейстеромъ —
братьемъ того Мейстера, которои на-
писалъ на Французскомъ языке из-

вѣспную книгу о *естественной морали*, и которой, будучи выгнанъ изъ Цириха за одно смѣлое сочиненіе, живетъ теперь въ Парижѣ — видѣлся я только одинъ разъ. Наружность его не очень привлекательна, однако жь обхожденіе его весьма пріятно. Онъ говорилъ почти такъ же хорошо, какъ пишетъ. Я съ удовольствіемъ читалъ нѣкоторыя изъ его сочиненій (*Kleine Reisen* и *Charakteristik deutscher Dichter*) и поблагодарилъ его за сїе удовольствіе.

Въ нынѣшній вечеръ наслаждался я великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Около двухъ часовъ продолжалась ужасная гроза. Еспѣли бы вы видѣли, какъ пурпуровые и золотые молнии вились по хребтамъ горъ, при спрашной канонадѣ неба! Казалось, что небесной Громовержецъ хотѣлъ превратить въ пепель сїи гордые вышины; но онъ споюли, и рука Его утомилась — громы умолкли, и тихая луна сквозь облака проглянула.

Въ Цирихскомъ Кантонѣ счишаются около 18000 жителей, а въ городе около 10000; но между симъ числомъ жителей только двѣ тысячи имѣютъ право гражданства. Сїи послѣдніе избираютъ судей, участвующихъ въ правлении и производятъ торгъ; всѣ прочіе лишены сей выгоды. Изъ тридцати цеховъ, на которые раздѣлены граждане, одинъ называемый главнымъ или дворянскимъ, имѣя передъ другими по преимуществу, что изъ него выбирается въ члены верховнаго Совѣта осьмнадцать человѣкъ, — изъ прочихъ же только по двѣнадцати. Сей Совѣтъ имѣетъ законодательную власть; а гражданскія и уголовныя дела судишъ такъ называемой малой Совѣтъ, или Сенатъ, состоящій изъ 40 членовъ и двухъ Бургомистровъ. Для сего Совѣта избирается особенно изъ каждого цеха по шести человѣкъ, которые называются Сенаторами, и всякой годъ сменяются. Кому двадцать лѣтъ отъ роду, тошъ имѣеть уже голосъ въ Республике, то сесь,

можетъ избирашь въ судьи; въ тридцать лѣтъ можно быти членомъ верховнаго Совѣта, а въ тридцать пять Сенаторомъ или членомъ малаго Совѣта. Цирихской житель, имѣющій право гражданства, такъ же гордится имъ, какъ Царь своею короною. Уже болѣе 150 лѣтъ никто не получалъ сего права; однако жъ его хотѣли дать Клопштоку, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ навсегда остался въ Цирихѣ. —

Въ субботу ввечеру Лафатеръ зашворяется въ свое мѣсто кабинетъ для сочиненія проповѣди — и черезъ часъ выдается она готова. Правда, еспѣли онъ говорилъ все таѢя проповѣди, какую жъ нынѣ слышалъ: то ихъ сочинять не трудно. *Спаситель спасъ сѣ насъ бремя грѣховъ: и таѢ будемъ благодарить Его* — сѣ мысли, выраженные различнымъ образомъ, составляли содержаніе всего поученія. Однѣ восклицанія, одна декламація, и болѣе ничего! Признаюсь, что я ожидалъ чего нибудь лучшаго. Вы скажете, что съ

народомъ такъ говориши надобно; но Лаврентій Спернъ говорилъ съ народомъ, говорилъ просто, и трогалъ сердце — мое и ваше. Видъ, съ какимъ проповѣдуетъ Лафашеръ, мнѣ полюбился.

Цирихскіе проповѣдники являются на каѳедрахъ въ какихъ-то спранныхъ черныхъ шушунахъ, съ большими бѣлыми и жестко накруженными крагенами. Обыкновенно же ходятъ они въ черныхъ или темныхъ каѳушнахъ. Лафашеръ носитъ на головѣ черную бархатную скуфейку — но только онъ одинъ. Не по зпому ли получили его шайномъ Католикомъ?

Когда въ церкви поютъ псалмы, тогда мужчины стоятъ безъ шляпъ; когда же начинается проповѣдь, всѣ садяшися, надѣваютъ шляпы, иолчатъ и слушаютъ. — —

Я познакомился на срѣднѣхъ днѧхъ съ двумя молодыми соотечественниками моего пріятеля Б*: съ Графомъ М* и Господиномъ Баг*. Сей послѣднїй сочинилъ на Дашскомъ язы-

къ двѣ большїя Оперы, которыя отмѣнно полюбились Коппенгагенской Публикѣ, а наконецъ были причиною того, что Авторъ лишился спокойствія и здоровья. Вы удивитесь; но пушъ нѣтъ ничего чуднаго. Зависть вооружила пропивъ него многихъ Писателей; они вздумали увѣрять Публику, что Оперы Господина Баг^{*} никакъ чему не годятся. Молодой Авторъ защищался съ жаромъ; но онъ былъ одинъ въ кучѣ непрѣятелей. Въ газетахъ, въ журналахъ, въ комедіяхъ — однимъ словомъ, вездѣ его бралили. Нѣсколько мѣсяцовъ онъ отбранывался; наконецъ почувствовалъ испошенніе силъ своихъ, съ больною грудью оставилъ мѣсто боя, и уѣхалъ въ Пиреніи къ водамъ, откуда Докторъ прислалъ его въ Швейцарію лечиться горнымъ воздухомъ. Молодой Графъ М^{**}, учившійся въ Геппингенѣ, согласился вмѣстѣ съ нимъ пушешествовать. Оба они познакомились съ Лафатеромъ, и полюбились ему своею живостію. И шотъ и другой любимъ аханье и вос-

клицией. Графъ бьетъ себя по лбу и спучитъ ногами, а Поэтъ Баг* складываетъ руки крестомъ и смотритъ на небо, когда Лафатеръ говорить о чёмъ нибудь съ жаромъ. Нынѣ или завтра уѣдуши они въ Луцернъ; любезнай мой пріятели Б* будеши съ ними же.

Цирихъ, 26 Августа.

Наконецъ, думаю вѣхать изъ Цириха, проживъ здѣсь 16 дней. Нынѣ въ послѣдній разъ обѣдалъ я у Лафатера, и въ послѣдній разъ писалъ подъ его дикшапурою. (Подъ дикшапурою? Точно — и учтивой Лафатеръ хощѣлъ увѣритъ меня, будто я пишу по-Нѣмецки не очень худо). Въ послѣдній разъ ходилъ по берегу Лимматы — и шумное теченіе сей рѣки никогда не приводило меня въ такую меланхолію, какъ нынѣ. Я сѣлъ на лавкѣ подъ высокою липою, прошивъ самаго того мѣста, гдѣ скоро поставленъ будеши монументъ Геснеру. Томъ его сочиненій былъ у меня въ карманѣ (по тому чѣмъ я перечитывалъ

валъ

валъ здѣсь всѣ его прекрасныя Идиллии и Поэмы, перечитывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ сочинялъ ихъ) — я вынулъ его, развернулъ, и слѣдующія строки попались мнѣ въ глаза:

„Потомство справедливо чтимъ урну
„съ пепломъ Пѣспопѣвца, копораго
„Музы себѣ посвятили, да учимъ
„онъ смертныхъ добродѣтели и не-
„винносчи. Слава его, вѣчно юная,
„живетъ и тогда, когда трофеи за-
„воевавшеля гнѣюпъ во прахъ, и велико-
„лѣпный памятникъ недоспойнаго Влады-
„шеля среди пустыни зароспаетъ ды-
„кимъ шерновымъ куспарникомъ и сѣ-
„дымъ мхомъ, на которомъ иногда
„опдыхаешъ заблуждшійся спраиникъ.
„Хотя, по закону Натуры, не многіе
„могутъ доспигнуть до сего величія,
„однако жъ похвально спремиться къ
„оному. Уединенная прогулка моя и
„каждый уединенный часъ мой да буде-
„шъ посвященъ сему спремленію!„
Вообразите, друзья мои, съ какимъ чувствомъ я долженъ быть читать сїе, въ двухъ шагахъ отъ того мѣста,

гдѣ Нашура и Поэзія въ вѣчномъ безмолвїи будутъ лишь слезы на урну незабвенного Геснера (*)! Не его ли посвятили Музы въ учипели невинности и добродѣтели? Не его ли слава, вѣчно юная, жить будетъ и тогда, когда трофеи завоевателей исплѣютъ во прахѣ? Предчувствуемъ бессмертія наполнялось сердце его, когда онъ магическимъ перомъ своимъ писалъ сїи строки.

Рука времени, все разрушающая, разрушитъ нѣкогда и городъ, въ которомъ жилъ Пѣснопѣвецъ, и въ теченіи столѣтій заглядитъ землею развалины Цириха; но цветы Геснеровыхъ твореній неувянутъ до вѣчности, и благовоніе ихъ будетъ изъ вѣка въ вѣкъ переливаться, услаждая всякое сердце.

Друзья мои! писателямъ открыты многіе пути ко славѣ, и безчлен-

(*) На монументѣ Геснеровомъ изображены Поэзія и Нашура въ видѣ двухъ прекрасныхъ женщинъ, плачущихъ надъ урою.

сленны вѣцы безсмертия; многих хвалишъ потомство — но всѣхъ ли съ одинакимъ жаромъ?

О вы, одаренные отъ природы творческимъ духомъ! пишите, и ваше имя будешъ незабвенно; но если хопите вы заслужить любовь пощомства, то пишите такъ, какъ писалъ Геснеръ — да будешъ перо ваше посвящено добродѣтели и невинности!

(Продолженіе «*об Январѣ мыслицѣ.*»)

VI.

ЖИЗНЬ И ДѢЛА ІОСИФА
БАЛЬЗАМО,

Такъ называемаго Графа Калостро.

(Продолженіе.)

Бальзамо, оставя Англію, поѣхалъ во Францію. Въ Дуврѣ познакомился онъ съ какимъ-то Господинымъ Дюплезиромъ, которой вызвался довезши его съ женою до Парижа. Предложеніе было принято. Дюплезиръ поѣхалъ съ Лорендою въ коляс-

скъ, а Бальзамо верхомъ. Слѣдствіе сего товарищества было то, что Лоренца превратилась въ Госпожу Дюплезиръ, и долго была ею въ самомъ Парижѣ, гдѣ и мужъ и жена жили на счетъ Француза. Наконецъ ненасытимость Бальзамова, которой болѣе и болѣе возвышалъ цѣну на шваръ свой, упомила и сего любовника, не весьма богатаго. Онъ совѣтовалъ Лоренцѣ или возвратиться въ Римъ къ своимъ родителямъ, или, еслѣ она не хочеть перемѣнить жизни своей, оставить мужа, и лучше для себя, нежели для корыстолюбиваго Калостра, торговаться своими прелестями. Она хотѣла послѣдовать первому совѣту; по крайней мѣрѣ такъ было показано ею въ допросѣ. По вѣрной же справѣ извѣстно то, что она въ одинъ день тихонько ушла отъ своего мужа, взявъ съ собою нужное платье, и расположилась жить въ другомъ дому, которой нанялъ для нее Г. Дюплезиръ. Бальзамо былъ симъ весьма раздраженъ, и выходилъ Королевское

повелѣніе взять ее подъ караулъ и посадить въ домъ Св. Пелагіи, гдѣ просидѣла она нѣсколько мѣсяцевъ. Между тѣмъ Бальзамо жилъ у одной старой госпожи, и продавалъ какую-то солу, которую выдавалъ онъ за лекарство отъ старости, увѣряя, что кожа женщинъ отъ нее моложаетъ. Но болѣе прибыли приносила ему щедрость спарой госпожи, кото-рой умѣлъ онъ удовлетворять въ безумной ея спрасши. Бальзамо жилъ у нее нѣсколько времени и послѣ того, какъ жена его была выпущена изъ дома Св. Пелагіи; а наконецъ нанялъ себѣ особливой домъ.

За нужное почтаемъ сказать, что при случаѣ заключенія Лоренцы записаны были въ протоколъ Полиціи нѣкоторыя обстоятельства, упомянутыя въ небольшомъ сочиненіи, вышедшемъ послѣ подъ титуломъ: **Ma Correspondance avec le Comte de Cagliostro.** Тутъ находится и допросъ Дюпле-зира, показавшаго, что хотя Бальзамо съ женой свою жилъ при

иѣца на его содержаніи, однако жъ задолжалъ еще около двухъ сопѣ талеровъ моднымъ торговкамъ, парикмахерамъ и танцмейстеру, Господину Ліону. Когда сей послѣдній 21 Декабря 1772 года давалъ балъ своимъ ученикамъ, то Калюостро взялъ въ лавкѣ богатое платье для жены своей, и не заплатилъ за него денегъ. Не смотря на то, Бальзамо въ письмѣ своемъ къ Англійскому народу безстыдныи образомъ утверждалъ, что онъ не бывалъ въ Парижѣ, и что приключеніе съ Дюплезиромъ есть клевета его непріятелей. Но могутъ ли быть клеветою судебные акты? Въ упомянутомъ письмѣ (въ которомъ онъ уже превратился въ Графа Калюостро) увѣряетъ сей обманщикъ, что Іосифъ Бальзамо, которому было запрещено играть роль врача, и Лоренца Феличіани, сидѣвшая въ дому Св. Пелагіи, не имѣютъ никакой связи съ Графомъ Калюостро и съ Графинею Феличіани, и вызываетъ всю Парижскую Полицію доказать прошивное.

Мы

Мы возвращаемся къ приключениямъ нашего Героя, копорой на свои деньги нанялъ для себя домъ. Онъ познакомился тогда съ двумя знаменитиими особами, и увѣрилъ ихъ, что ему извѣстны величия таинства Химіи, къ которой сїи господа были весьма привязаны. Они повѣрили ему, что онъ умѣетъ дѣлать золото и продолжать жизнь человѣческую. Сїе послѣднее весьма обольстило одного изъ нихъ, ибо онъ былъ уже человѣкъ старой. Чтобы упвердить ихъ въ семъ заблужденіи, Калюспро выманилъ у нихъ нѣсколько Гишпанскихъ пистолей, растопилъ и смѣшалъ ихъ въ горшкѣ съ чуждою матеріею, отъ чего вѣсъ ихъ увеличился. Черезъ сїе и черезъ другіе обманы доспалъ онъ отъ нихъ около 500 луидоровъ, не научивъ ихъ ни дѣлать золота, ни удалять смерти. Когда прошло время, назначенное имъ для сообщенія оныхъ таинствъ, тогда сїи господы начали подозрѣвать его и болѣе приступать за нимъ. Бальзамо (увидѣвъ опа-

опасность, а можетъ быть узнать и то, что упомянутыя особы, уверенные въ обманѣ, хотѣли отдать его подъ караулъ) взялъ подъ чужимъ именемъ паспортъ, и ушелъ въ Бриссель; откуда черезъ Германію проѣхалъ въ Испанію, и возвратился въ Палермо.

Тамъ не могъ онъ долго пользоваться своею свободою. Марано, имъ обманутой, просилъ, чтобы его взяли подъ караулъ. При семъ случай хотѣли также возобновить процессъ по сочиненію ложнаго завѣщенія въ пользу Маркиза Муриджи. Надлежало ожидать, что его пошлютъ на гале-ры. Но одинъ знанной Неапольской господинъ, отъ котораго въ проѣздѣ свой получилъ онъ разныя рекомен-дательныя письма, освободилъ его отъ сего наказанія, и выходилъ ему свободу, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ топ-часъ оставилъ городъ Палермо. Послѣ сего отправился Бальзамо съ женою своею въ Мальту, где съ довольною прибылью продавалъ свою помаду или

воду, о которой мы выше сего упоминали ; но извѣсной промыслъ жены его приносилъ ему еще болѣе прибыли.

Можетъ быть читатель удивится , что сей человѣкъ такъ скоро перемѣнялъ мѣста пребыванія своего , и съ такою легкостю перѣезжалъ отъ полюса къ полюсу . Однако жь мы можемъ увѣришь его , что сіи безпрепонные путешествія не подвержены никакому сомнѣнію . Не трудно будешь сыскать и причину , для чего ему не льзя было ужиться на одномъ мѣстѣ . Онъ имѣлъ отъ природы беспокойной и вѣтреной духъ ; сверхъ того велъ такую жизнь , которая вездѣ , рано или поздно , вооружала противъ него всѣхъ честныхъ людей . Послѣдствіе испорти докажетъ испину сего замѣчанія .

Изъ Мальты поѣхалъ онъ въ Неаполь , гдѣ прожилъ нѣсколько мѣсяціевъ , и гдѣ химическое и кабалистическое ремесло его было весьма хорошо принято . Между прочимъ познакомился онъ

онъ съ купцомъ и съ монахомъ, которые весьма любили сїи науки. Купецъ былъ богатъ, а монахъ засупалъ у него мѣсто учипеля. Бальзамо прежде всего вознамѣрился оплучить отъ него монаха, чтобы одному править имъ. Когда ему удалось сїе, тогда, обѣщаю купцу сообщить свои, такъ называемыя высокія таинства, выманилъ онъ у него большїя суммы денегъ. Между тѣмъ, по прозвѣщѣ жены своей, призвалъ онъ въ Неаполь своего племянника и одного изъ ея братьевъ. Сей молодой человѣкъ ему полюбился. Онъ рѣшился взять его съ собою и женишь на какой нибудь притожей женщинѣ, которая могла бы отправлять одно ремесло съ Лоренцою и умножать его доходы. Всѣ вмѣстѣ поѣхали они изъ Неаполя во Францію; и оспановились на нѣсколько времени въ Марсели, гдѣ Бальзамо нашелъ случай познакомиться съ *пожилою вдовою*, копорую не оставилъ еще духъ ко-*жепства*. — Не известно намъ, она ли сперва влюбилась въ него, или онъ

притворился въ нее влюбленнымъ, и черезъ то вошелъ къ ней въ любовь; но за вѣрное можемъ сказать, что Бальзамо, имѣя съ нею непозволенное обхожденіе, получалъ отъ нее много денегъ и драгоценныхъ вещей. Но онъ еще не былъ симъ доволенъ. Одинъ спарой господинъ, бывшій въ молодости любовникомъ ея, не совсѣмъ еще оказался отъ своихъ требованій на ея благосклонность, и началъ ревновать. Вдова не хотѣла пощерять ни сего господина, которой былъ очень богатъ, ни Калѣостра, которой былъ молодъ и здоровъ, — и потому просила сего послѣдняго, чтобы онъ нашелъ средство обманывать перваго. Бальзамо принялъ сїе предложеніе, и видя, что спарикъ все еще пыталъ къ ней любовью, и что для удовлетворенія оной недоспавало ему только прежнихъ силъ, обѣщалъ ему черезъ химическія шаинства возвратить потерянное здоровье и бодрость. *Камень Философовъ* былъ также предметомъ желаній влюбленнаго спа-

рика, которой уже отъ спароспи не-
много въ умѣ помѣшался; и такъ на-
шему Калюстру не прудно было за-
маниТЬ его въ свои сѣши. Онъ пока-
залъ ему разныя химическія операціи,
и обольстилъ его обѣщаніемъ дѣлать
золото. Подъ предлогомъ, что для
сего надобно запаситься разными ма-
теріалами, удалось ему выманиТЬ у
него немалыхъ суммы денегъ.

Такимъ образомъ вдова, спарикъ
и Бальзамо были довольны. Тогда рѣ-
шился онъ произвести въ дѣйство на-
мѣреніе свое въ разсужденіи молодаго
шуриня. Онъ выдавалъ его за богата-
го Римскаго дворяниня, и чтобы сему
обману придать видъ истины, то на-
дѣлалъ ему богатыхъ кафтановъ; самъ
же ходилъ всегда въ Прусскомъ мун-
дирѣ. Ему хотѣлось жениТЬ его на
дочери и наслѣдницѣ своей вдовы. Сія
послѣдняя съ радостію согласилась обя-
заться съ нимъ родствомъ; но же-
на и шуринъ его воспропивились се-
му браку, и всѣ угрозы, которыми

хотѣлъ онъ принудить къ тому моло-
даго человѣка, оспались щечными.

Межу тѣмъ прошло время, въ
которое Бальзамо обѣщалъ исполнить
желанія влюбленнаго старика. Над-
лежало на что нибудь рѣшишься. Онъ
увѣрилъ слабоумнаго богача, что ему
должно на короткое время отлучиться,
для собранія нѣкоторыхъ травъ,
нужныхъ для составленія философска-
го камня; а вдовѣ обѣявилъ, что шесть
его въ Римъ очень боленъ, и что ему
непремѣнно надобно къ нему съѣздить.
И старикъ и вдова наградили его
деньгами; первый подарилъ ему сверхъ
того прекрасную коляску. Но онъ
поѣхалъ не въ Римъ, а въ Гишпанію,
и продавъ въ Барселлонѣ свою коляс-
ку, отправился въ Валенцію. Въ сочи-
неніи лекаря Саки, которое въ 1782
году было напечатано въ Стразбургѣ,
и на которое въ 1783 году отвѣчала
Гж. ла-Моппъ, подробно описано пре-
бываніе его въ Валенціи и въ Али-
кампѣ; и въ письмѣ своемъ къ Англій-
скому народу напрасно стараешься онъ

доказывать, что Сочинитель говоритъ неправду. Г. Саки пишеть, что онъ въ Гишиніи познакомился съ Калостромъ, съ женою и съ шуриномъ его; что Калостро назывался тогда Дономъ Тистю, Неапольскимъ уроженцомъ и Поручикомъ въ службѣ Неапольскаго Короля; что они, будучи выгнаны изъ Валенсіи, прѣѣхали въ Аликантъ, гдѣ Донъ Тистю былъ принятъ такъ дурно, что изъ почтенїя къ Публику не должно говорить о семъ.

Опѣтуда поѣхали они въ Кадиксъ, гдѣ Бальзамо снова воспользовался слабоумiemъ одного любишеля Химii, и выпросилъ у него вексель на 10000 шалеровъ, будто бы для покупки травъ и прочаго, что нужно для приготовленїя философскаго камня. Сверхътого получилъ онъ отъ сего человѣка золотые часы съ репетиціею, а другie укралъ, хотя и не хотѣлъ показать сего въ допросѣ, утверждая, будто бы они были подарены ему упо-

упомянутымъ любителемъ Химіи за разговоры его о сей наукѣ.

Въ Кадиксѣ разстался онъ съ своимъ шуриномъ, которой утверждалъ, что Бальзамо укралъ у него разныя вещи. Боясь, чтобы обманъ его не открылся, оставилъ онъ городъ Кадиксъ, и поѣхалъ съ женою своею въ Лондонъ, гдѣ познакомился съ Госпожею Фрай и съ Господиномъ Скоттомъ, которые отменно любили играть въ лотто. Онъ хвалился знаніемъ нумеровъ, котормъ должно выпши, и сверхъ того увѣрилъ Г. Скотта, что ему извѣспна шайна злодѣянія. Симъ средствомъ получилъ онъ отъ нихъ довольно денегъ. Не имѣвъ же никогда щастія достигнуть доцѣли своихъ желаній, узнали они наконецъ обманъ, и позвали его въ судъ; но какъ деньги получены были безъ свидѣтелей, то онъ во всемъ заперся, и поклялся торжественно, что не бралъ отъ нихъ ничего. Жена должна была подтвердить сїе; послѣ че-

го судъ не могъ его обвинить, и дѣло кончилось.

Въ упомянутомъ сочиненіи, Ma Correspondance etc., напечатаны акты сего процесса, и нѣкоторыя обстоятельства, въ оныхъ означенныя, достойнышаго, чтобы здѣсь упомянуть объ нихъ. Обвиняемый признался Лондонскимъ судьямъ, что онъ разумѣетъ Кабалу, и зная астрологическія исчисленія, можетъ угадывать лоттерейные нумеры; что Госпожа Фрай помошю его выиграла 2000 фунтовъ стерлинговъ, и въ благодарность за сѣе подарила его женѣ нѣсколько бриллиантовъ и золотую шабакерку. Наконецъ увѣрялъ онъ, что можетъ узнать первой нумеръ, которой выдѣлъ въ началѣ слѣдующаго года. Напропивъ того Госпожа Фрай утверждала, что Калюстъ, обольстивъ ее надеждою выигрыша, выманилъ у нее немалыхъ суммы денегъ, и заставилъ ее купить и отдать ему ожерелье съ 62 маленькими бриллиантами, увѣряя, что онъ можетъ

уве-

увеличивать каменья и умножать количество золота. Сія госпожа повѣрила ему, что маленькие брилліанты, будучи на нѣкоторое время зарыты въ землю, дѣлаются мягкими и большими, и что у него есть красной порошокъ, которой называлъ онъ *укрѣпительнымъ*, и которой можетъ возвращать камнямъ прежнюю жесткость, возвышая ихъ цѣну.

Многіе свидѣтели увѣряли, что онъ упомянутому красному порошку приписывалъ силу превращать ртуть въ серебро и черезъ химической операций увеличивать массу золота. Тогда назывался онъ по Капишаномъ, то Полковникомъ Прусской службы, и показывалъ папиенты.

Во время впораго своего пребыванія въ Лондонѣ былъ оцѣ принятъ въ Масоны, и нашелъ случай учредить *новую секту*, или сдѣлать *реформу* особливаго рода, о которой мы во впорой главѣ подробно говорить будемъ. Теперь же упомянемъ только *изъ обстоятельства*, безъ которыхъ

послѣдствіе исторіи не можетъ быть понятно. Бальзамо хотѣлъ открыть себѣ новое поле обмановъ, и для того избралъ Масонство особливаго рода, выдумавъ новые правила, новые обряды и новое ученіе. Безъ сего конечно не могъ бы онъ играть такой великой роли на театрѣ свѣта. Ослѣпленіе людей въ разсужденіи сего обманщика можно назвать почти невѣрояtnымъ. Въ допросахъ своихъ онъ признался, что число учениковъ его было весьма велико, и что все они признавали его своимъ начальникомъ и мастеромъ. Сѣ - то было главнымъ источникомъ славы его, которая разнеслась по всемъ землямъ Европы.

Сему помогли и другія обстоятельства. Въ иномъ мѣстѣ будемъ мы говорить объ извѣстномъ Парижскомъ процессѣ, по которому Бальзамо былъ посаженъ въ Бастилю. Особливые поступки его, родъ жизни и гадательные рѣчи много способствовали къ ослѣпленію легковѣрныхъ. Въшедши въ Масонство, оставилъ онъ

онъ фамильное имя Бальзамо, назвал-
ся Калюстромъ, и присвоилъ себѣ
блестящій титулъ Графа, отъ чего
жена **его** превратилась въ Графиню;
однако жъ иначе называлася еще и дру-
гими именами, на прим. Маркизомъ
Пеллегрини, Маркизомъ Анна, Мар-
кизомъ Бальзамо, или Графомъ Фени-
ксомъ. Онъ не хощѣлъ сказывать ни
испиннаго своего происхожденія, ни
состоянія, ни лѣтъ своихъ, и часто
выдавалъ себя за современника Ноева,
или Христова. Иногда назывался Маль-
тийскимъ уроженцомъ, иногда сыномъ
шамошняго Гросмейстера и Принцес-
сы Требизондской. О путешесвїяхъ и
знаніяхъ своихъ говорилъ всегда въ вы-
сокомъ тонѣ и непонятнымъ языкомъ,
увѣряя, что онъ былъ въ Меккѣ, въ
Египтѣ и въ другихъ отдаленныхъ
частяхъ свѣта, посѣщалъ Пирамиды
и проникъ въ таинства Натуры. Сѣ
было обыкновеннымъ предметомъ раз-
говоровъ **его**. Иногда же наблюдалъ
онъ таинственное молчаніе, и пѣмъ,
которые хотѣли знать имя или со-

спояніе его, оправдывалъ: ego sum, qui
sum (я тотъ, которой есмь). Кто
желалъ знать болѣе, тому изъ особ-
ливой благосклонности означалъ онъ
свою шифру, которая состояла въ
образѣ змѣи, держащей во рту яблоко,
прошкнутое спрѣлою.

(Продолженіе впередъ.)

VII.

ПАРИЖСКИЕ СПЕКТАКЛИ, или

О новыхъ драматическихъ пiесахъ,
представленныхъ на Парижскихъ
Театрахъ въ нынѣшнемъ году.

Les Victimes cloitrées (заключенныхъ
въ монастырь жертвы), прозаическая
Драма въ четырехъ дѣйствiяхъ, со-
чиненная Гм. Монвелемъ и представ-
ляемая на Театрѣ нацiональномъ, за-
служила опимѣнное одобренiе Публики.
— Дорval, котораго отецъ обога-
тился коммѣрцiею, влюбленъ въ Евге-
нию, дочь Графа Сп. Альбана и пле-
мянницу Маркиза Фрашвиля, кото-
рые почитаютъ его доспoinства и

согласны обязаться съ нимъ родствомъ. Но Гж. Сп. Альбанъ, гордящаяся своимъ благородствомъ, и утверждаемая въ своей суевности Пашеромъ Лораномъ, духовникомъ ея, шайко пропившися ихъ намѣренію и склонности своей дочери. Отъездъ Г. Франшиля въ Америку, и дѣла, озывающія въ Парижъ ее и мужа ея, служатъ ей предлогомъ къ опсрочки свадьбы, и Евгению отдаютъ въ монастырь, которой избранъ для сего Пашеромъ Лораномъ, и котораго Игуменъ во всемъ ему повинуется. Напрасно Дорваль нѣсколько разъ приходилъ въ сей монастырь, чтобы видѣть свою любовницу: его къ ней не допускаютъ. Скоро по томъ разносится слухъ, что Евгения занемогла заразительной болѣзнию, которая удаляетъ отъ нее всѣхъ подругъ ея. Наконецъ объявляютъ ея смерть, и хощя родители ея въ опсушствїи, однако же похоронные обряды совершаются съ великою пышностью. Дорваль, приведенной въ опчалинѣ сею

и отперею, хочетъ удалиться отъ съ-
шта, и открываешьъ свое намѣреніе Па-
теру Лорану, которой всегда казался
ему другомъ, и которой, надѣясь вос-
пользоваться великимъ Дорвалевымъ
богатствомъ, принимаетъ его въ свой
монастырь, осыпаетъ его коварными
ласками, сокращаетъ для него время
искуса, и готовится на другой день
поспирить его. Съ сего начинается піе-
са. Дѣйствіе происходитъ въ про-
винціальномъ городѣ, въ которомъ из-
брали въ Меры Господина Франшиля,
не давно возвратившагося изъ Амери-
ки. Въ самой сей день ожидають дома
его прибытія. Господину и Госпожѣ
Сп. Альбанѣ также надобно возвра-
тишься изъ Парижа, и зришели узна-
ютъ характеръ сихъ трехъ особъ
по шѣмъ чувствамъ, съ которыми
ожидаютъ ихъ домашніе. Г. Франши-
виль добросердечекъ, снисходителенъ
и великодушенъ; Гж. Сп. Альбанѣ гор-
да, взыскательна и суевѣрна; мужъ
ея есть совершенной рабъ всѣхъ при-
холей жены своей. Никто не можетъ
шер-

шерпъть Патера Лорана. Его почи-
таютъ причиною Евгенией смерти и
Дорвалева отчаянія. Не лучше дума-
етъ объ немъ и Патеръ Людовикъ,
добродушной монахъ его монастыря,
которой, будучи увѣдомленъ о ско-
ромъ прїездѣ Господина Франшиля,
приходитъ за пѣмъ, чтобы сообщить
ему шайну, важную для щаспія его
друга Дорвала; но не нашедши его,
и будучи принужденъ ишти назадъ,
проситъ одного спараго слугу ска-
зать Маркизу, чтобы онъ по
своемъ возвращеніи какъ можно ско-
рѣе пришелъ къ нему въ монастырь.
Г. Франшиль прїезжаєтъ, а по томъ
и Г. Альбанъ съ женою своею. Мар-
кизъ съ живѣйшею чувствительносью
принимаетъ свидѣтельства любви отъ
всѣхъ людей своихъ, которыми при-
везъ онъ подарки изъ Америки. Въ
всегда занимаетесь другими, говорятъ
ему. Безъ другихъ на что бы я былъ
самому себѣ? отвѣчаєтъ онъ. Гж. Сп.
Альбанъ, сестра его, не такъ человѣко-
любива. Знаки любви и радости, съ

какими встрѣчаюшъ ее люди, почтавшъ она за грубость, и не хочешъ ни съ кѣмъ говорить. — Во впоромъ дѣйствіи Патеръ Лоранъ приходитъ къ своей духовной дочери, поздравивъ ее съ прїездомъ, и при всякомъ словѣ кспати и не кспати величаетъ ее Графинею. Разговоръ начинается о Евгении и Дорвалѣ. Франшиль оказываетъ къ Патеру великое презрѣніе; но сей послѣдній сноситъ все съ лицемъраю крохоспію, и сказываетъ между прочимъ, что Дорваль на другой день долженъ произнести свой обѣщъ, но что прежде сего хочешъ онъ видѣться съ друзьями своими, и ожидаетъ позволенія войти къ нимъ, оставшись въ передней комнатѣ. Вдругъ отворяются двери, и онъ явился. Увидѣвъ то семейство, съ которыми не за долго передъ тѣмъ надѣялся онъ родствомъ соединиться, Дорваль не можетъ отъ слезъ удержаться, и съ рыданіемъ бросается въ объятия отца и дяди своей Евгении. Сердце его наполняется живѣйшею го-

респю, и помышапельство его разу-
на обнаруживається въ спрашномъ из-
спущеніи. Не Религія, но опчаяніе за-
ставляетъ его погребспись въ монасты-
рѣ. Патеръ Лоранъ хочетъ вывести его
изъ сего дома. *Нѣтъ!* говоритъ онъ,
отталкивая его — *нѣтъ, оставь мене!*
Завтра буду я вашъ, а нынѣ я еще
свободенъ. Онъ упрекаетъ друзей сво-
ихъ слабостю, и еще съ большимъ жа-
ромъ укоряетъ Гжу. Сп. Альбанъ, на-
зывая ее убийцею своей дочери;
по томъ вдругъ падаетъ къ ногамъ ея,
проситъ у нее прощенія, и черезъ
минуту снова ее укоряетъ. Онъ
ищетъ глазами Евгеніина портрета,
никогда имъ самимъ написанного; от-
дергиваетъ занавѣсъ, его скрывающей;
падаетъ передъ нимъ на колѣни, жа-
луется ему на слезную свою долю,
вспаешъ, и, бросаясь въ объятія Па-
тера Лорана, проситъ вывести его
изъ сего печального дома. Вся сїя
сцена весьма прогащельна. — Въ тре-
тьемъ дѣйствіи предстааетъ внуши-
ренность монастыря. Дорваль въ за-
дух-

думчивости ходитъ подлъ стѣны, отдаѣющій монастырь его отъ того, въ которомъ была Евгенія. Онъ предспавляетъ ее въ воображеніи, и говорить съ нею. Г. Франшиль приходитъ туда по письму, полученному имъ отъ Пашера Людовика; но онъ не можетъ видѣть сего монаха, которому начальники не велѣли выходить изъ кельи. Маркизъ вспрыкаетъ съ Дорвалемъ, и проситъ его имениемъ дружбы оспавить свое отчаянное намѣреніе. Пашеръ Лоранъ, боясь сего разговора, приходитъ сказать Франшилю, что черезъ минуту должно запереть монастырскія ворота. Франшиль, усугубляя ревность свою и краснорѣчіе, убѣждаетъ друга своего вмѣстѣ съ нимъ выйти изъ сего печальнаго жилища, и Дорваль уже колеблется. *И такъ возвратись въ міръ, говорить ему Пашеръ Лоранъ — возвратись, и забудь ту, которая была тебѣ столь любезна! Тамъ никто не будетъ говорить съ тобою о твоей Евгеніи.* Сіи слова, производящія

сильное дѣйствіе въ зрителяхъ, сно-
ва утверждающъ Дорвала въ его на-
мѣреніи. Пашеръ торжествуетъ, и
Франшиль удаляется; первой за нимъ
же уходитъ. Дорваль оспаєтъ одинъ
въ глубокой меланхоліи; но скоро яв-
ляется Пашеръ Людовикъ, которому,
послѣ Маркизова ухода, опять дана
была свобода. Во время пожара, не-
давно бывшаго въ монастырѣ, спасъ
онъ отъ пламени бумаги Пашера Ло-
рана, которой былъ тогда въ отлуч-
кѣ. Между прочими бумагами попалось
ему въ глаза письмо Игумены, въ ко-
торомъ пишетъ она, что Евгенія,
ей порученная, никакъ не соглашающа-
ся удовлетворить мерзостной спра-
сти Пашера Лорана, и что имъ не-
премѣнно должно сбыть ее съ рукъ,
если не хотятъ они того, чтобы
ихъ умыселъ открылся. Сіе письмо
есть громовой ударъ для Дорвала, безъ
чувствъ упадающаго. Пашеръ Людовикъ
слышитъ шумъ идущихъ людей и скры-
вается. Приходитъ Лоранъ, и видѣтъ
Дорвала лежащаго въ обморокѣ, спа-

распя привесши его въ чувство. Мало по малу приходиша онъ въ себя, и при взорѣ на чудовище хочешъ расщерзать его; но силы не оправдывающіе его гнѣву. Патеръ удивляется сему изспущленію и спрашаетъ уснокоиша его увѣреніями о своей дружбѣ. Дорваль показываетъ ему письмо, открывающее все его злодѣйство. Тутъ сей гнусной человѣкъ перемѣняетъ тонъ, объявляетъ Дорвалю смерть, и отдастъ его въ руки двумъ монахамъ, которые силою уводятъ его съ театра.

— Въ четвертомъ дѣйствіи представляются двѣ подземныя темницы, разделенные каменною спѣною. Въ первой видятъ зришели Евгению, которая, жалуясь на свою участіе, сказываетъ имъ, какимъ образомъ она тутъ заключена послѣ слуха, разнесшагося обѣя смерти. Черезъ нѣсколько минутъ открывается другая темница, въ которую запираютъ Дорвала. Что можетъ быть интереснѣе сего положенія несчастныхъ любовниковъ, разделенныхъ одною спѣною! Евгения, видя, что

лампада ея угасаешъ, бросаешься поправить свѣшилью, говоря: ахъ! не умирай, не умирай, единственная мож подруга! Нѣжность жалобъ ея совершенно пропивна изспущеніямъ Дорвалевої яроспи, которая вооружаетъ его пропивъ самаго Неба. Ходя по своей темницѣ, подымаетъ онъ плашокъ, на которомъ написано кровью, что въ углу сей темницы спрятанъ желѣзной ломъ, которымъ можетъ онъ сдѣлать въ спѣнѣ отверстіе. Нашедши сїе орудіе, Дорваль бросаешься на колѣни, благодаритъ Небо, и признаетъ себя прошивъ Него виновнымъ; по томъ начинаешь работать. Евгения слышитъ шумъ и помогаетъ ему съ своей стороны проламывать спѣну; камни падаютъ, и любовники видятъ другъ друга. Евгения, узнавъ Дорвала, лишаєтъ чувствъ; и въ самую ту минуту, когда любовникъ спарапаетъ ее привести въ память, входитъ въ темницу съ опрядомъ Национальной Гвардіи Г. Франшиль, узнавшій все отъ Папера Людовика.

Евгений приходитъ въ чувство , и видитъ себя въ объятияхъ Дорвала и родителей своихъ.

На сеѧ же Театръ прославилась новая Арнодова Трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ , подъ пинтуромъ : *Марій въ Минтурѣ*. Картина молодаго Друэса, присланная изъ Рима за нѣсколько лѣтъ передъ симъ , заспавила весь Парижъ удивляясь его искусству , а скоро по томъ жалѣть о его смерти. Авторъ не только одно содержаніе своей Трагедіи занялъ изъ сего несравненнаго произведенія живописи , но кажется , что онъ присвоилъ себѣ и самой духъ живописца. Всѣ мысли , всѣ чувства , выраженные на полотнѣ въ чертахъ Марія , съ такою же силою являются на сценѣ въ изображеніи сего великаго характера ; и Г. Арно , будучи одинакихъ лѣтъ съ художникомъ , своимъ соревноващемъ , назначеннъ , кажется , наградить Поэзіею эту великую потерю , которую Изящные Искусства оплакивающъ въ живописи . — Извианный Сенаторъ , Марій

удаляется въ Минтурий. Геминий, начальникъ сего мѣста, готовившися погубить его. Марій спасаєтъ отъ него злобы, бросаясь въ лодку; но морозы, пользуясь временемъ его сна, возвращаются назадъ и оставляютъ его на берегу. Онъ пробуждается при шумѣ бури, скитаєтъся при блескѣ молнии и вспрѣчаєтъ съ однимъ изъ спарыхъ своихъ воиновъ, которой предлагаетъ ему убежище въ своей хижинѣ, и по томъ, для большей безопасности, убѣждаетъ его скрываться въ болотѣ. Геминий, узнавъ о его возвращеніи, послалъ воиновъ искать Марія. Скоро находятъ его въ проспѣни и ведутъ въ темницу. Цимбрской воинъ, ненавидящій Марія за зло, которое онъ причинилъ его націи, берется умертвить его, входитъ въ темницу, и возноситъ уже кинжалъ надъ сердцемъ спящаго Героя. Марій пробуждается, и однимъ взоромъ приводитъ въ трепетъ убийцу. Въ самую сю минуту приходитъ сынъ его съ полпою Римлянъ и Минтурскихъ

жителей. Цимбръ присоединяется къ нимъ, и Марій торжествуетъ надъ врагами своими. — Великой успѣхъ сей пїесы надобно приписать интереснымъ подробностямъ (*détails*) и сильнымъ спихамъ, которыми она наполнена. Маріевъ монологъ, сцена его съ спарымъ воиномъ и съ Цимбромъ, показывающъ, что молодой Авторъ имѣетъ испинныя способности.

На Театръ Провансакого Графа предспавляютъ новую Фаварову пїесу, *la Vengeance du Bailli*, которая служитъ продолженіемъ его *Аннеты и Любеня*. Она писана пріятнымъ слогомъ; но некоторые сцены весьма незанимательны и опчастии скучны. Знапоки недовольны и музыкою.

На Италіянскомъ Театрѣ играли тѣмъ Графа Мирабо, новую эпизодическую пїесу, въ которой сей славної Орапэръ бесѣдуешь съ великими мужами древности. Слогъ ея очень хорошъ — но какъ въ ней нѣтъ никакого драматического дѣйствія, то она не весьма полюбилась зрителямъ.

VIII.

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ.

I. Mémoires de la vie privée de Benjamin Franklin, écrits par lui-même, & adressés à son fils. 1791. То есть: Жизнь Бенниамина Франклина, имъ самимъ описанная для сына его. Французской Издатель говорить, что она переведена съ Англійского манускрипта, доставшегося ему въ руки по особливому случаю. Всякой, читая сю примѣчанія доспойную книгу, будемъ удивляться чудесному сплешенію судьбы человѣческой. Франклинъ, которой бродилъ въ Філадельфіи по улицамъ въ худомъ кафтанѣ, безъ денегъ, безъ знакомыхъ, не зная ничего, кроме Англійскаго языка и бѣднаго типографскаго ремесла — сей Франклинъ черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался извѣстенъ и членъ въ двухъ частяхъ свѣта, сми гордость Бришанцевъ, даровалъ ьность почти всей Америкѣ, и икими открытиями обогатилъ на!

II. La Police de Páris devoilée . e.
обнаруженнаго Полиція Париж до-
спой

спойна вниманія Публики, и заключаєтъ въ себѣ много интересныхъ анекдотовъ.

III. Travels to discover the source of the Nile, in five volumes, by James Bruce. То есть: *Путешествие къ истоку Нила*, и проч. Многіе путешественники щуплетно искали того мѣста, где истекаетъ сїя славная рѣка; наконецъ Англичанинъ Брюсъ, преодолѣвъ тысячи трудностей и препятствій, достигъ до онаго, и съ энтузіазмомъ, свойственнымъ Британцу, пилъ изъ Нильскаго источника за здоровье Россійской Императрицы и Короля своего. — Весьма подробно описываетъ онъ свое путешествіе, и сообщаетъ намъ древнюю и новую исторію Абиссиніи. Корошко сказать, сіе сочиненіе важно для Историковъ, Географовъ, Напуралистовъ, и любопытно для читателей всякаго рода.

IX.

СМѢСЬ.

1. Добродѣтельной Герцогъ Мон-
тозье, Гофмейстеръ Французскаго До-
фина подъ правленіемъ Людовика XIV,
никогда не позволялъ своему пипом-
чу читать дедикацій; но однажды, не-
чаянно вошедши къ нему въ кабинетъ,
засталъ онъ его читающаго одну изъ
оныхъ. Вместо того, чтобы опнять
у него книгу, принудилъ онъ его читать
вслухъ, и при концѣ каждого периода
говорилъ ему: „Не правда ли, Придѣ,
что эти люди надѣ вами смеются?
Уже ли вы думаете, что въ васъ по-
длинно есть все тѣ добрыя качества,
которыя они вамъ приписываютъ? Може-
ли вы безъ досады читать пакую
грубую лесь, которая показы ешь
что нѣкоторыя люди имѣютъ раз-
умъ вашемъ весьма худое мнѣнїе „

2. Извѣстно, что Боплеръ, или
Буплеръ, славной сочинитель Газмы
Гудибраса, умеръ съ голоду, не хотя-
ря на то, что онъ имѣлъ чре-
зчайное остроуміе и пламенное вообра-
женіе.

иie. Бѣдность его была слѣдствіемъ его безумной гордости. Всѣ знали его нищету, и многіе хотѣли помочь ему; но онъ никогда не принималъ ей помощи отъ своихъ пріятелей, хотя они предлагали ее самымъ дружелюбнѣйшимъ образомъ. Одинъ изъ его комыхъ всунулъ ему однажды въ манъ кошелекъ со 100 гинеями. Плеръ того не примѣтилъ; но нащедши послѣ сей кошелекъ въ карманъ, пришелъ въ великое беспокойство. Онъ вспомнилъ, у кого въ тотъ день былъ въ гостяхъ, и угадавъ человѣка, которому хотѣлъ подарить его сию сумму, побѣжалъ къ нему, бросилъ деньги на полъ, разругалъ своего пріятеля и ушелъ съ великимъ сердечемъ.

Имена Особъ, подпишавшихся на
Журналѣ въ Июль мѣсяцъ.

Въ Москвѣ Его Высокоблагородіе Алексѣй Никитич Киреевской.

Его Сиятельство Графъ Григорій Владимирович Орловъ.

Его Высокоблагородіе Александръ Никитич Лопухинъ.

Его Сиятельство Графъ Федоръ Андреевич Толстой.

Въ С. Петербургѣ Его Высокоблагородіе Егоръ Михайловичъ Рябинъ.

Его Высокоблагородіе Осипъ Вицъ Козодавлевъ.

Его Сиятельство Графъ Илья Александровичъ Апраксинъ.

Въ Сызранѣ Его Высокоблагородіе Игнашій Ивановичъ Соловѣо-

СОДЕРЖАНИЕ.

Стран.

I. Надпись къ портрету ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА	-	-	254
II. Письмо къ Клименту	-	-	—
I. Альфиды	-	-	258.
Палемонъ и Дафнисъ	-	-	278.
V. Пъма Руси. Путешественника	-	-	286.
VI. Жизнь и дѣла Іосифа Бальзамо	-	-	325.
VII. Парижскіе Спекулянты	-	-	342.
VIII. О иностранныхъ книгахъ	-	-	355.
IX. Смѣсь.	-	-	357.

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

Стран. Строк. Напечат. Сттай.

299	10	шпо	спо.
310	10	чшо	чеко.

Подписка на сей Журналъ при-
нимается здѣсь въ Москвѣ въ У-
верситетской книжной лавкѣ
Тверской, а въ другихъ горо-
дѣ въ Почтѣ-Ампахѣ. Весь тодѣ о-
го споишь въ Москвѣ пять рѣ-
а съ пересылкою семь. Кому же
угодно будеши изъ другихъ горо-
довъ послать деньги прямо въ лав-
ку, того просимъ Издатель сооб-
щить при шомъ свой адресъ, и
шакомъ случаѣ ручается за вѣроос-
тавленіе Журнала.